

CALANDRA

COMEDIA DI M.

BERNARDO DIVITIO

DA BIBIENA: NVO

VAMENTE RI

STAMPA

TA.

M D XXXVI.

БЕРНАРДО ДОВИЦИ

(КАРДИНАЛ БИББИЕНА)

КАЛАНДРИЯ

Комедия о Каландро в пяти действиях

СОДЕРЖАНИЕ

Деметрио, гражданин города Модона, имел сына по имени Лидио и дочь по имени Сантилла. Были они близнецами и настолько схожими с виду и по складу, что никто распознать их не мог, кроме как по одежде. И все это суцая правда, ибо, оставляя в стороне множество примеров, которые мы могли бы привести, достаточно сослаться на двух благороднейших по крови и по доблести римских братьев Антонио и Валерио Поркари, настолько друг на друга похожих, что весь Рим неизменно принимал одного за другого. Возвращаясь к двум младенцам, у которых уже шесть лет как нет отца. Турки завоевывают и сжигают Модон, убивая всех, кто им попадает под руку. Кормилица этих детей и слуга Фаннио, чтобы спасти Сантиллу, одевают ее мужчиной и называют Лидио, полагая, что брат ее уже убит турками.

Они покидают Модон, по дороге их схватывают и как невольников отправляют в Константинополь. Перилло, флорентийский купец, выкупает их, берет с собой в Рим и содержит в своем доме, где, пробыв долгое время, они отличнейшим образом перенимают местные обычаи, язык и даже наряды. Сегодня Перилло собирается выдать свою дочь за Сантиллу, которую все зовут Лидио и принимают за мужчину. А Лидио, брат Сантиллы, вместе со своим слугой Фессенио, выходит невредимым

из Модона, перебирается в Тоскану, оттуда в Италию и тоже обучается искусству одеваться, местным нравам и языку. Семнадцати — восемнадцати лет он попадает в Рим и влюбляется в Фульвию; любимый также и ею, он в женском платье навещает ее для совместных любовных утех. После многих перипетий Лидио и Сантилла с радостью узнают друг друга.

А теперь смотрите в оба, чтобы их не перепутать, ибо, предупреждаю вас, оба они одного роста и одного вида, обоих называют Лидио, оба одеваются, разговаривают и смеются одинаково, оба они сегодня находятся в Риме, и оба вот-вот перед вами появятся. Однако не думайте, что некромант способен перенести их так скоро из Рима сюда, ибо город, который вы перед собой видите, и есть Рим. В свое время он был настолько велик, что, торжествуя, щедро принимал в свое лоно и многие города, и многие страны, и многие реки. Ныне же он стал настолько маленьким, что, как видите, свободно помещается в вашем городе. Так уж устроен мир.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лидио, юноша.

Сантилла, его сестра.

Кормилица.

Фаннио, слуга.

Фессенио, слуга.

Полинико, воспитатель.

Каландро.

Фульвия, его жена.

Самия, служанка Фульвии.

Руффо, некромант.

Блудница.

Носильщик.

Таможенная стража.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Фессенио, один.

Фессенио. Правду говорят, что человек предполагает, а Бог располагает. Ведь вот же: только мы думали угомониться в Болонье, как Лидио, мой хозяин, узнал, что Сантилла, его сестра, жива и добралась до Италии, а потому в нем тотчас же воскресла прежняя любовь, которую он к ней питал и которая была сильнее всякой любви, когда-либо существовавшей между братом и сестрой, ибо, сотворив их близнецами, природа позаботилась наделить их столь похожими лицами, ростом, голосом и повадками, что еще в Модоне, когда Лидио иной раз наряжался девочкой, а Сантилла мальчиком, не только люди чужие, но даже родная мать, даже собственная их кормилица не могли различить, кто из них Лидио, а кто Сантилла. И как боги не сумели бы сделать их более похожими, точно так каждый из них любил другого больше, чем самого себя. Потому-то Лидио, полагавший, что лишился сестры, едва прослышав, что она жива, принялся ее разыскивать. И вот после четырех месяцев, проведенных в поисках Сантиллы, мы добрались до Рима, где Лидио повстречал римлянку Фульвию. Воспылав к ней дикой страстью, он сделал меня слугой ее мужа Каландро, для того чтобы быстрее утолить свое любовное желание, что он и осуществил, утешив этим и ее, ибо, охваченная великим пламенем, она не раз средь бела дня приглашала для совместных утех Лидио, переодетого женщиной и именовавшего себя

Сантиллой. Однако, опасаясь, как бы это пламя не обнаружилось, Лидио вот уже много дней как проявляет к ней величайшее небрежение. Он даже притворился, что намерен отсюда уехать, почему Фульвия и пребывает в настоящее время в такой муке и в таком бешенстве, что не находит себе покоя: она то обращается к колдуньям, ворожеям и некромантам, чтобы они помогли ей вернуть возлюбленного, словно она его уже потеряла; то подсылает к нему когда меня, а когда свою доверенную служанку Самию с мольбами, дарами и обещаниями выдать Сантиллу замуж за своего сына, если когда-либо она отыщется. И все это она делает так открыто, что, не походи ее супруг больше на барана, чем на человека, он уже давно должен был бы все заметить и примерно со мной сквитаться. Вот почему я должен всячески изворачиваться. Я один делаю невозможное: никто никогда не сумел бы служить сразу двоим, а я служу троим — мужу, жене и собственному хозяину, — так что покоя мне нет ни минуты. Но я не тужу, ведь всякому, кто живет в этом мире, жизнь не слаще смерти. Если правда, что добрый слуга не должен иметь досуга, то у меня не хватает его настолько, что я не могу свободно поковырять в ушах. А вдобавок ко всему тут еще выпал случай обтяпать одну любовную интрижку, и я прямо не дождусь, когда смогу обсудить ее с Лидио, а вот он как раз направляется сюда. Э, э, э! Да с ним эта шутовская харя Полинико, его воспитатель! Раз увидел дельфина — жди бури. Постою-ка лучше в сторонке да послушаю, о чем они толкуют.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Полинико, Лидио, Фессенио.

П о л и н и к о. Знаешь, Лидио, вот уж не думал, не гадал, что ты можешь докатиться до этакого! Суетная влюбленность превратила тебя в человека, презирающего всякую добродетель. И всему-то причиной эта тварь, именуемая Фессенио.

Ф е с с е н и о. Клянусь телом...

Л и д и о. Ну, это уж ты зря, Полинико.

П о л и н и к о. Уж поверь мне, что во всем этом я разбираюсь куда лучше, чем ты или этот твой проходец слуга...

Ф е с с е н и о. Вот после этого и оказывай таким...

П о л и н и к о. Человек разумный всегда думает о возможных последствиях своих поступков.

Ф е с с е н и о. Вот-вот! Взнуздав свою педагогическую клячу.

П о л и н и к о. Едва ваша любовь получит огласку, ты не только подвергнешься великой опасности, но еще и прослывешь самой настоящей скотиной!

Ф е с с е н и о. Тоже сыскался воспитатель! Трус паршивый!

П о л и н и к о. Ибо кому не смешон и не противен человек пустой и легкомысленный? Неужели это тебя не страшит? Как ты, чужестранец, надумал влюбиться, да и в кого? В одну из самых знатных женщин этого города! Беги, говорю тебе, от опасностей этой любви.

Л и д и о. Полинико, я молод, а молодость во всем подвластна любви. Серьезные вещи приличествуют людям более зрелым. Я же могу желать только того, чего желает любовь, а она принуждает меня любить эту знатную женщину больше самого себя. И если когда-нибудь тайна нашей любви раскроется, я полагаю, что многие будут только еще больше меня уважать. Ведь если в женщине величайшее благоразумие — остерегаться любви к человеку более знатному, то в мужчине великое достоинство — любить женщин, которые стоят рангом повыше.

Ф е с с е н и о. Недурной ответ!

П о л и н и к о. И такой-то чепухе обучает тебя этот мерзавец Фессенио!

Ф е с с е н и о. Сам ты мерзавец!

П о л и н и к о. А я и то удивился, почему ты не спешил, не летел на крыльях, чтобы испакостить любое доброе дело.

Ф е с с е н и о. За свои дела можешь не беспокоиться!

П о л и н и к о. Что может быть огорчительнее лицемерия того, как жизнь разумных людей зависит от блудословия таких глупцов.

Ф е с с е н и о. Мои советы всегда были поразумнее твоих.

П о л и н и к о. Не может быть добрым советчиком тот, кто сам не тверд в правилах. Знай я тебя раньше, Фессенио, не стал бы я так расхваливать тебя перед Лидио.

Фессенио. Выходит, я нуждался в твоей подмоге? Так, что ли?

Полинико. Теперь я понимаю, что человек, расхваливающий другого, и в самом деле часто попадает впросак, но хулитель — никогда.

Фессенио. Так, значит, ты сам признаешься в своей суетности и тщеславии, раз ты нахваливал того, кого не знал. А вот я твердо знаю, что в тебе я никогда не ошибался.

Полинико. Значит, ты говорил обо мне одно дурное?

Фессенио. Да разве не ты сам сию минуту сказал, что хулитель никогда не ошибается?

Полинико. Ладно! Препираться с тобой — все равно что гром перекричать.

Фессенио. Еще бы! Когда крыть нечем, то только и остается, что...

Полинико. Просто не хочется мне прибегать к иным доводам, кроме словесных...

Фессенио. Да ты, хоть сто лет проживешь, этих «иных доводов» ко мне не применишь!

Полинико. Как знать! Может статься, что...

Фессенио. Знаешь, лучше не дразнить голодного медведя.

Полинико. Тише, тише! Так и быть. Не хочу связываться с рабом.

Лидио. Хватит, Фессенио, будет тебе.

Фессенио. Пусть не грозит! Хоть я и подлый раб, но и муха вправе однажды осерчать. Нет такого крохотного волоска, который не имел бы собственной тени. Понятно?

Лидио. Замолчи, Фессенио.

Полинико. Дай мне продолжить разговор с Лидио, если не возражаешь.

Фессенио. Ишь какой любезный стал! Поговорить ему нужно!

Полинико. Послушай, Лидио: знай, что Бог дал человеку два уха, чтобы больше слышать.

Фессенио. И один рот, чтобы поменьше болтать.

Полинико. Не с тобой разговаривают! Знай, Лидио, свежая рана легко вылечивается, но стоит ей застареть — все пропало. Да излечись же, говорю тебе, от этой своей любви.

Лидио. Зачем?

Полинико. Ничего, кроме мучений, она не принесет.

Лидио. Почему?

Полинико. Несчастный! Разве не ведаешь ты, что гнев, ненависть, вражда, раздоры, разорение, нищета, подозрения, беспокойство — все эти пагубные болезни души человеческой — есть неизбежные спутники любви? Беги от любви, беги!

Лидио. Увы, Полинико, не могу я бежать.

Полинико. От чего ты не можешь бежать?

Фессенио. Да от той болезни, которой да наградит и тебя Господь!

Лидио. Ее могуществу подвластно все, и нет большей радости, как получать то, чего желаешь, любя, ибо без любви нет ни совершенства, ни достоинства, ни благородства.

Фессенио. Лучше не скажешь.

Полинико. Лживость — худший порок слуги. И ты его слушаешь? Лидио, сын мой, послушай меня.

Фессенио. Еще бы, он стоит того.

Полинико. Любовь подобна огню, который, если бросить в него серу или какую-нибудь другую дрянь, умертвляет человека.

Лидио. Однако брось в огонь ладан, алоэ или амбру — и он распространяет благовоние, способное воскресить мертвого.

Фессенио. Ха-ха! Недурно! Учитель-то сам попался на удочку, которую закинул.

Полинико. Вернись, Лидио, к праведной жизни.

Фессенио. Праведно то, что ведет к выгоде.

Полинико. Праведно то, что благородно и честно. Смотри, Лидио, плохо ты кончишь.

Фессенио. Изрек оракул.

Полинико. Помни: добродетельную душу сладострастие не волнует.

Фессенио. Но и страх ее не смущает.

Полинико. И все же ты поступаешь дурно, зная, что презрение к советам мудрецов — величайшая гордыня.

Фессенио. Хотя ты и окрестил себя мудрецом, а я иначе как дураком не назову тебя, ведь ты же сам знаешь, что нет большей глупости, как добиваться недостижимого.

Полинико. Лучше с убытком правду говорить, чем с барышом врать.

Фессенио. И я говорю правду, да еще почаше тебя. Только при этом я вовсе не такой закоснелый ругатель, как ты. Подумаешь, зазубрил четыре чужие мыслишки — и уже возомнил себя таким мудрецом, что всех прочих считаешь невеждами и скотами. Нет, милейший, тебе еще далеко до Соломона! Лучше пораскинь мозгами да подумай о том, что одно подходит для старика, другое — для юноши, одно дело — беда, другое — радость. Ты — старик, и нечего свой пример тыкать ему в нос. А Лидио молод и пусть поступает, как надлежит поступать молодости. Лучше сам приноровись к своему воспитаннику и не мешай ему.

Полинико. Вот уж правду говорят: сколько у хозяина слуг, столько и недругов. Этот прохвост доведет тебя до виселицы, и, если с тобой когда-нибудь стряется беда, ты всю жизнь будешь раскаиваться, ибо не существует более тяжкой пытки, чем сознание совершенных ошибок, а потому отделайся ты от этой женщины, Лидио!

Лидио. Скорее тело может отделаться от своей тени, чем я от своей любви.

Полинико. Возненавидь ее, тогда и отделаться будет просто.

Фессенио. Хорош совет! Ему с теленком не управиться, а этот хочет, чтобы он целого быка взвалил на плечи.

Полинико. Впрочем, она и сама скоро тебя бросит, стоит только другому приволокнуться за ней, ведь женщина — существо непостоянное.

Лидио. О-о! Уж не думаешь ли ты, что они все из одного теста?

Полинико. Конечно! Лица, правда, у них разные, да природа — одна.

Лидио. Тут ты глубоко не прав.

Полинико. О Лидио! Потуши свет, чтобы лиц их не было видно, и никакой разницы между ними ты не обнаружишь. Пойми, что женщине верить нельзя, даже после ее смерти.

Фессенио. А он здорово усвоил то, что я только что ему втолковывал.

Полинико. Что ты мне втолковывал?

Фессенио. Что? Верить никому нельзя и праведно лишь то, что ведет к прибытку.

Полинико. Ни о какой выгоде я не помышлял, а просто высказал свое убеждение.

Ф е с с е н и о. Ишь ведь врет и не поперхнется.

П о л и н и к о. Что ты хочешь этим сказать?

Ф е с с е н и о. Хочу сказать, что ты думаешь не то, что говоришь. На самом деле ты гонишься за сегодняшней модой.

П о л и н и к о. Какой такой модой?

Ф е с с е н и о. Самой распространенной. Сознайся, что ты женоненавистник, как почти все мужчины в этом престольном городе, потому ты и говоришь дурно о женщинах да еще делаешь это самым бесстыдным образом.

Л и д и о. Фессенио прав, ибо то, что ты о них говоришь, трудно назвать похвалой, между тем женщины — высшая отрада и высшее благо, какими мы только обладаем на этом свете. Без них мы ничего собой не представляем, ни на что не способны, грубы и скотоподобны.

Ф е с с е н и о. Зачем столько слов? Разве не знаем мы, что женщины столь совершенны, что нет ныне мужчины, который им не подражал бы и который душой и телом не желал бы превратиться в женщину?

П о л и н и к о. Я не желаю с тобой разговаривать.

Ф е с с е н и о. Признайся лучше, что тебе просто нечего возразить.

П о л и н и к о. Еще раз говорю: повод ко злу можно всегда устранить; и еще раз повторяю: откажись ради собственного блага от суетной твоей влюбленности.

Л и д и о. Полинико, на свете нет ничего, что меньше нуждалось бы в советах или в противодействии, чем любовь. Природа ее такова, что скорее она сама истощится, чем стинет под влиянием чужих уговоров. Посему воображать, что меня можно исцелить от любви к этой женщине, равносильно тому, что хватать руками тень или ловить ветер сетями.

П о л и н и к о. Это-то меня и удручает более всего, ибо если раньше ты был мягче воска, то теперь ты представляешься тверже столетнего дуба. А знаешь, к чему это ведет? Сам рассуди и подумай. Иначе ты плохо кончишь!

Л и д и о. Не думаю. Но если так случится, то разве не сам ты наставлял меня, как похвально умереть от любви и сколь прекрасен конец того, кто умирает, любя по-настоящему?

П о л и н и к о. Ладно! Поступай же, как будет тебе и этому проходимцу Фессенио угодно. Но скоро, совсем

скоро ты на своей шкуре убедишься, каковы бывают последствия любви.

Ф е с с е н и о. Умолкни, Полинико! Ты-то откуда знаешь, каковыми они бывают?

П о л и н и к о. Ты все знаешь, проходимец ты этакий, ты и скажи.

Ф е с с е н и о. Любовь что трюфели: юноши от них становятся еще жарче в деле, а старики сыплют мелким горохом.

Л и д и о. Ха-ха-ха!

П о л и н и к о. Эх, Лидио! Его балагурство тебя веселит, а к моим словам ты относишься с презрением! Больше я с тобой говорить об этом не стану, поразмысли сам, а я пойду.

Ф е с с е н и о. Скатертью дорога! Видел, каким он прикидывается ягненочком? Будто мы не знаем этого бездельника и лицемера. Он так задурил нам голову, что я до сих пор не могу тебе рассказать одну презанятнейшую историю про Каландро, а ты выслушать меня!

Л и д и о. Выкладывай, выкладывай! Пусть твоя историйка отобьет скуку, которую нагнал на меня этот занудливый Полинико.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Л и д и о, Ф е с с е н и о.

Л и д и о. Ну что же там случилось?

Ф е с с е н и о. Каландро, муж твоей возлюбленной Фульвии и мнимый мой хозяин, тот самый болван, которому ты наставляешь рога, вообразив, что ты женщина, по уши в тебя влюбился. Он заприметил тебя, когда ты хаживал к Фульвии, вырядившись женщиной и называя себя Сантиллой, и просил меня помочь в любовном его предприятии. Видя, как он изнемогает от страсти, я наврал ему, что приложу все старания, и даже пообещал нынче же свести вас, дабы ты утолил его страсть.

Л и д и о. И вправду забавно. Ха-ха-ха! Теперь припоминаю, что, когда я намеренно возвращался от Фульвии в женской одежде, он некоторое время шел за мной следом, но я никак не думал, что виной тому влюбленность. Надо, надо его подурочить.

Ф е с с е н и о. Предоставь это дело мне — и будешь

доволен. Я навру ему с три короба о тех чудесах, что совершил ради него! И будь уверен, этот болван поверит всем моим бредням и небылицам. Нет такой чепухи, которой нельзя ему внушить, ибо более самодовольного идиота ты, уж верно, никогда не встретишь. Я мог бы рассказать тебе тысячи его глупейших выходов, однако, не перечисляя подробностей, скажу только, что в нем заложена бездна дурости, и если бы Соломон, Аристотель и Сенека обладали хотя бы одной стотысячной ее долей, то этого бы с лихвой хватило, чтобы затмить весь их разум и всю их премудрость. Однако больше всего в нем смешит меня то, что сам он кажется себе наикрасивейшим мужчиной в городе. Самомнение его стало столь велико, что он, например, всерьез воображает, будто все женщины влюбляются в него с первого взгляда и прямо сохнут по нем! В общем, это один из тех, про кого в народе говорят: если бы он ел сено, то превратился бы в быка. Посуди сам, чем он лучше каких-нибудь Мартино да Амелия или Джован Маненте? Безмерная его глупость и любовный пыл помогут подшутить над ним самым неслыханным образом.

Л и д и о. Да, смеху с ним не оберешься. Однако скажи, если он и впрямь принимает меня за женщину, то как же быть, когда он полезет ко мне?

Ф е с с е н и о. Доверься своему Фессенио и ни о чем не беспокойся. Однако — ой-ой-ой! — погляди-ка, вот и он собственной персоной. Уходи, он не должен видеть нас вместе.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К а л а н д р о, Ф е с с е н и о.

К а л а н д р о. Фессенио!

Ф е с с е н и о. Кто меня звал? А! Хозяин.

К а л а н д р о. Видел ли ты мою Сантиллу?

Ф е с с е н и о. Видел ли я Сантиллу?

К а л а н д р о. Да, что с ней?

Ф е с с е н и о. Толком не знаю, но думаю, что с ней платье, рубашка, передник, перчатки и еще туфли.

К а л а н д р о. Какие там туфли? Какие перчатки? Ты что, пьян? Я тебя не спрашиваю, что на ней, а что с ней.

Ф е с с е н и о. А! Ты хочешь знать, как она поживает?

К а л а н д р о. Да, именно.

Ф е с с е н и о. Когда я ее недавно видел, она... постой-ка... сидела, подперев щеку кулачком, а когда я говорил о тебе, внимательно меня слушала, широко раскрыв глаза и рот и высунув язычок — вот так.

К а л а н д р о. Ты сказал как раз то, что мне и хотелось слышать. Однако оставим это. Итак, она слушает охотно, а?

Ф е с с е н и о. Что значит — слушает? Я обработал ее так, что не пройдет и нескольких часов, как ты получишь все, чего добивался. Тебе этого мало?

К а л а н д р о. Фессенио, друг мой, ты не пожалеешь.

Ф е с с е н и о. Надеюсь.

К а л а н д р о. Будь уверен, Фессенио... Помоги мне, я так страдаю!

Ф е с с е н и о. Ай-ай-ай, хозяин, тебя знобит?

К а л а н д р о. Н-н-нет, какое там знобит, дурак! Я говорю, что Сантилла со мной плохо обошлась.

Ф е с с е н и о. Она поколотила тебя?

К а л а н д р о. Ой-ой-ой! Как ты груб! Я говорю, что она меня сильно в себя влюбила.

Ф е с с е н и о. Ничего, скоро ты ее получишь.

К а л а н д р о. Так идем быстрее!

Ф е с с е н и о. Есть кое-какие затруднения...

К а л а н д р о. А что на них обращать внимание!

Ф е с с е н и о. Расшибусь, а сделаю.

К а л а н д р о. Прошу тебя!

Ф е с с е н и о. Увидишь, я вмиг вернусь с ответом. Прощай. Люди добрые! Взгляните только на этого благородного влюбленного! Вот так случай! И муж и жена сохнут по одному и тому же возлюбленному. О! Гляди-ка, вот и Самия, служанка Фульвии, выползла из дома. Она чем-то смущена. Заварилась каша. Она, видимо, все знает. Разнюхаю у нее, что творится в доме.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Фессенио, Самия.

Ф е с с е н и о. Самия, Самия! Эй, обожди!

С а м и я. Фессенио!

Ф е с с е н и о. Что творится в доме?

С а м и я. Клянусь честью, ничего хорошего для хозяйки.

Ф е с с е н и о. А что?

С а м и я. Допрыгалась.

Ф е с с е н и о. Что с ней?

С а м и я. Лучше не спрашивай.

Ф е с с е н и о. Почему?

С а м и я. Уж слишком...

Ф е с с е н и о. Что слишком?

С а м и я. Ее разбирает...

Ф е с с е н и о. Что разбирает?

С а м и я. Желание порезвиться со своим ненаглядным Лидио. Понял наконец?

Ф е с с е н и о. О, об этом я знаю не хуже тебя.

С а м и я. Но ты еще другого не знаешь.

Ф е с с е н и о. Чего?

С а м и я. Что она посылает меня к одному человеку, который заставит Лидио делать все, что она пожелает.

Ф е с с е н и о. Каким образом?

С а м и я. При помощи колдовских заговоров и заклинаний.

Ф е с с е н и о. Заговоров?

С а м и я. Да, друг мой.

Ф е с с е н и о. А кто же будет этот заговорщик?

С а м и я. Зачем тебе заговорщик? Я говорю, что иду к человеку, который заставит Лидио полюбить Фульвию, хоть тот тресни.

Ф е с с е н и о. И кто же этот человек?

С а м и я. Руффо, некромант. Он может сделать все, что захочет.

Ф е с с е н и о. Каким образом?

С а м и я. При нем состоит какой-то домашний спиртус.

Ф е с с е н и о. Спиритус — хочешь ты сказать?

С а м и я. Такие слова я и произносить-то не умею; хватит с меня и того, что я постараюсь толково ему передать приглашение хозяйки. Иди с Богом, только смотри не проболтайся.

Ф е с с е н и о. Не бойся. Прощай.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

С а м и я, Р у ф ф о.

С а м и я. Сейчас слишком рано, и он, верно, еще не вернулся к обеду. Пойду поищу его на площади. О! Вот так удача! Глянь-ка! Вот он сам. Эй, Руффо! Руффо! Ты что, оглох?

Р у ф ф о. Не пойму, кто там меня зовет?
С а м и я. Постой!
Р у ф ф о. Кто это?
С а м и я. Из-за тебя я вся взопрела.
Р у ф ф о. Ладно, что тебе надо?
С а м и я. Моя хозяйка просит тебя не мешкая
прийти к ней.
Р у ф ф о. А кто твоя хозяйка?
С а м и я. Фульвия.
Р у ф ф о. Жена Каландро?
С а м и я. Она самая.
Р у ф ф о. Чего ей от меня надобно?
С а м и я. Она сама тебе скажет.
Р у ф ф о. Не там ли она живет?
С а м и я. В двух шагах отсюда, идем.
Р у ф ф о. Иди вперед, а я пойду следом. Неужели
она из числа тех дуриц, что верят в мою некромантию,
верят в тот дух, или спиритус, о котором болтают глупые
бабенки? Понять, чего она хочет, наверняка не так
уж трудно. Надо поспешить, а то кто-то сюда направляется,
и будет обидно, если он все испортит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Фессенио, Каландро.

Фессенио. Теперь мне яснее ясного, что не только смертные, но и боги не прочь дурака валять. Взять хоть, к примеру, Амура, который в свои липучие ловушки завлекает обычно сердца благородные, а тут от безделья, или уж не знаю отчего, сам так погряз в этой скотине Каландро, что не может выбраться. Отсюда ясно, что у Амура дела пошатнулись, раз он вцепился в такого отменного болвана. А может быть, он делает это для того, чтобы Каландро выделялся среди влюбленных, как осел среди мартышек. И разве он ошибся в выборе? Так или иначе, а перышко крепко увязло в смоле.

К а л а н д р о. Эй, Фессенио, Фессенио!
Ф е с с е н и о. Кто меня зовет? Хозяин?
К а л а н д р о. Ты видел Сантиллу?
Ф е с с е н и о. Видел.
К а л а н д р о. И каково твое мнение?

Фессенио. Пожалуй, ты не лишен вкуса. Прибавлю, что у тебя самое завидное положение, какое только бывает в этих краях. Добивайся ее, не жалея усилий!

Каландро. Будь спокоен! Я ничего не пожалею, хотя бы мне пришлось ходить голым и босым.

Фессенио. Заучите, влюбленные, эти золотые слова!

Каландро. Если она когда-нибудь станет моей, я сожру ее всю целиком.

Фессенио. Сожрешь? Ха-ха. Каландро, пожалей ты ее. Зверь сжирает зверя, но зачем же мужчине сжирать женщину? Женщину пьют, а не сжирают.

Каландро. Как это — пьют?

Фессенио. Вот так — берут и пьют.

Каландро. Каким же образом?

Фессенио. Разве ты не знаешь?

Каландро. Конечно, нет.

Фессенио. О, как жалко, что такой мужчина не умеет пить женщин.

Каландро. Так научи же меня!

Фессенио. Так и быть: когда ты ее целуешь, Каландро, разве ты ее не сосешь?

Каландро. Сосу.

Фессенио. Хорошо: раз, целуя, ты сосешь женщину, значит, ты ее пьешь.

Каландро. Видимо, так. Однако я свою Фульвию так и не выпил, хотя целовал ее тысячу раз.

Фессенио. Ха-ха-ха! Ты не выпил ее потому, что и она тебя целовала и высасывала из тебя ровно столько, сколько ты высасывал из нее, поэтому ни ты ее не выпил, ни она тебя.

Каландро. Теперь я убедился, Фессенио, что ты ученей самого Роланда. Ведь, несомненно, так оно и есть! Правда твоя, что я никогда не целовал ее без того, чтобы и она меня не целовала.

Фессенио. Теперь ты видишь, что я говорил тебе сущую правду?

Каландро. Но скажи, почему одна испанка всегда целовала мне руки; она хотела их выпить?

Фессенио. Проще простого! Испанки целуют вовсе не из любви к тебе и не для того, чтобы выпить твои руки, о нет, но чтобы высасывать кольца, которые носят на пальцах.

К а л а н д р о. О Фессенио, Фессенио, ты знаешь больше женских тайн, чем...

Ф е с с е н и о. Особенно тайн твоей жены.

К а л а н д р о. ...чем любой архитектор...

Ф е с с е н и о. Архитектор, ха!

К а л а н д р о. Целых два кольца выпила у меня эта испанка. Теперь, клянусь Богом, я буду смотреть в оба, чтобы меня не выпили.

Ф е с с е н и о. Ты мудрец, Каландро!

К а л а н д р о. Больше ни одна не будет меня целовать без того, чтобы и я ее не целовал.

Ф е с с е н и о. Берегись, Каландро, если одна из них выпьет у тебя нос, щеку или глаз, ты останешься самым безобразным мужчиной на свете.

К а л а н д р о. Об этом я уж позабочусь. Однако поторопись сделать так, чтобы я мог поскорее обнять свою Сантиллу.

Ф е с с е н и о. Положись на меня; я бегу и мигом закончу это дело.

К а л а н д р о. Только, ради Бога, не мешкай!

Ф е с с е н и о. Остался суший пустяк — слетать туда, предупредить и тотчас же вернуться с окончательным решением.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Р у ф ф о, один.

Р у ф ф о. Человек никогда не должен отчаиваться, ибо часто удачи приходят тогда, когда их меньше всего ожидаешь. Эта женщина, как я и думал, уверена, что мне подвластен всемогущий дух. А так как она без памяти влюблена в одного юношу и ей хочется во что бы то ни стало его приворожить, то вот она и желает, чтобы я заставил его являться к ней днем в обличье женщины, и за то обещает мне много-много денег. Думаю, что это мне удастся, ибо возлюбленный ее — некий Лидио, грек, мой приятель, родом из тех же краев, что и я. Слуга его, Фессенио, тоже грек и тоже мой приятель. Вот почему я и думаю, что дельце это не такое уж многотрудное. Ей я ничего определенного не обещал, прежде чем не пого-

ворю с Лидио. Удачи на нас так и сыплются! Только бы она попалась на удочку Лидио, так же как на мою. Ну а теперь я пойду в дом Перилло, флорентийского купца, где остановился Лидио, и так как время сейчас обеденное, может быть, застану его дома.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

С а н т и л л а, в мужском платье, Ф а н н и о, к о р м и л и ц а.

С а н т и л л а. Всякому ясно, насколько мужская доля легче женской, и я более других женщин познала это на собственном опыте. Ведь с того самого дня, как нашу родину, Модон, спалили турки, я всегда одевалась мужчиной, именуя себя Лидио — так звали моего ненаглядного брата, — и все неизменно принимали меня за мужчину. Мне везло, и потому все наши дела оборачивались к лучшему. Между тем если бы одеждой и именем я оставалась женщиной, будучи и в самом деле таковой, то ни турки, рабами которых мы оказалась, нас не продали бы, ни Перилло нас бы не выкупил, зная, что я женщина, и мы по гроб жизни были бы обречены на жалкое подневольное существование. Так вот я и говорю вам, что, если я, женщина, буду оставаться женщиной, мы всегда будем спокойно наслаждаться жизнью, ибо Перилло, который, как вы знаете, всегда считал меня самым преданным ему человеком во всех его делах, полюбил меня настолько, что вознамерился выдать за меня единственную свою дочь Вирджинию и завещать нам все свое имущество. Но после того, как его племянник сообщил мне, что Перилло желает уже не сегодня завтра нас женить, я вырвалась из дому, чтобы обсудить это дело с тобой, моя кормилица, и с тобой, мой слуга Фаннио, ибо вы легко можете себе представить, насколько я озабочена; и я не знаю...

Ф а н н и о. Молчи, несчастная, молчи, только бы эта женщина, что подходит к нам и явно чем-то расстроена, не догадалась, о чем мы тут говорим.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

С а м и я, С а н т и л л а, в мужском платье, Ф а н н и о.

С а м и я. Да, скажу я вам, глубоко это в нее засело! Завидев из окна своего Лидио, она не выдержала и тут же послала меня поговорить с ним. Отведу-ка его в сторонку и заговорю с ним. Доброе вам здоровье, сударь!

С а н т и л л а. Твоими бы устами.

С а м и я. Можно вас на два слова?

С а н т и л л а. Ты кто такая?

С а м и я. Ты спрашиваешь, кто я?

С а н т и л л а. Да, хочу узнать, чего не знаю.

С а м и я. Скоро узнаешь.

С а н т и л л а. В чем дело?

С а м и я. Моя хозяйка просит, чтобы ты любил ее так же, как она тебя любит, и чтобы ты приходил к ней, как только захочешь.

С а н т и л л а. Не понимаю. Кто твоя хозяйка?

С а м и я. Эх, Лидио, Лидио. Зачем ты морочишь мне голову?

С а н т и л л а. Это ты мне морочишь голову.

С а м и я. Допустим, что ты не знаешь, кто такая Фульвия, и не знаком со мной. Но все же, что ей передать?

С а н т и л л а. Голубушка, если это все, что ты можешь мне сказать, то и передавать ничего не нужно.

С а м и я. Прикидываешься, что не понимаешь, а?

С а н т и л л а. Не понимаю, тебя не знаю и меньше всего хочу тебя слушать и понимать. Иди с миром.

С а м и я. Конечно, ты осторожен, клянусь Крестом Господним. Но уж что-то утешительное для ответа хозяйке придумать придется.

С а н т и л л а. Придумывай что хочешь, только с глаз моих скройся, и чтобы и ей и тебе пусто было.

С а м и я. Пусть тебе будет пусто! А оно так и будет, грек ты паршивый, ибо хозяйка посылает меня к некроманту. А уж некромант заставит тебя подчиниться.

С а н т и л л а. Поистине, горемычна и печальна наша женская доля, и все это со мной приключается лишь для того, чтобы я еще глубже извела и оплакала те лишения, которые я претерпеваю оттого, что я — женщина.

Фаннио. А по-моему, надлежало выслушать эту женщину, ибо никакого ущерба от этого не было бы.

Сантилла. Сейчас меня одолевает забота, куда поважнее. Но я готова была бы выслушать ее, если бы она изъяснила все потолковее.

Фаннио. Я ее знаю.

Сантилла. Кто она?

Фаннио. Самия, служанка Фульвии, знатной римской особы.

Сантилла. О-о, теперь я поняла, о ком идет речь! Терпение, она весьма кстати упомянула Фульвию.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Руффо, Сантилла, Фаннио, кормилица.

Руффо. Эй-эй-эй!

Сантилла. Чей это голос?

Руффо. А я-то вас разыскиваю.

Фаннио. Здравствуй, Руффо! Что нового?

Руффо. Только хорошее.

Фаннио. Что именно?

Руффо. Сейчас узнаете.

Сантилла. Обожди, Руффо. Послушай, Тиресия, ты идешь домой, разузнай, что делает наш хозяин Перилло в связи с моей свадьбой, а когда придет Фаннио, передай мне через него обо всем, что там происходит. Сама я решила нынче никому не показываться — хочу на себе проверить народную мудрость: время и труд все перетрут. Ну иди. А теперь скажи, Руффо, что хорошего ты нам принес?

Руффо. Хоть я познакомился с вами совсем недавно, все же я вас очень люблю, ибо все мы земляки и само небо предоставляет нам возможность друг другу помочь.

Сантилла. Будь уверен, что и мы тебя любим и всегда охотно тебе поможем. Но что же ты собирался сказать?

Руффо. Скажу прямо. Слушай, Лидио. Некая женщина, влюбленная в тебя по уши, мечтает владеть тобой так же, как ты владеешь ею, и говорит, что решила прибегнуть к моей помощи, так как ничто другое ей не помогает. Вот она и обратилась ко мне, про-

слышав, что я обучен чернокнижию и хиромантии. Среди женщин — они ведь так легковверны — я прослыл знатным некромантом; они верят, что в подчинении у меня есть всемогущий дух, при помощи которого я делаю и переделываю все, что мне заблагорассудится. Я охотно соглашаюсь, ибо извлекаю из этих дурочек величайшую пользу для себя, а нередко отменные радости для них. Сойдет дело и на этот раз, если ты будешь благоразумен. Она хочет, чтобы я уговорил тебя к ней пойти, а я, полагаясь на нашу с тобой дружбу, ее обнадежил. И вот — если, конечно, ты этого захочешь — мы оба с тобой разбогатеем, а ты вдобавок сможешь еще и насладиться ею.

С а н т и л л а. Руффо, я слышал, в таких делах совершается много обманов, и я, как человек неопытный, легко могу попасть впросак. Но, полагаясь на тебя как на посредника, я отказываться не буду, и раз уж условились, то я с Фаннио все обдумаю. А теперь скажи, кто она такая?

Р у ф ф о. Некая Фульвия, дама богатая, знатная и красивая.

Ф а н н и о. Вот так штука! Да это хозяйка той самой, которая только что с тобой разговаривала.

С а н т и л л а. Да, видно, она самая.

Р у ф ф о. Как? Ее служанка с тобой разговаривала?

С а н т и л л а. Только что.

Р у ф ф о. И что же ты ей ответил?

С а н т и л л а. Я выпроводил ее, наговорив грубостей.

Р у ф ф о. Это было нелишне, однако, если она еще раз с тобой заговорит, будь с ней повежливей, раз уж мы решили за это дело взяться.

С а н т и л л а. Постараюсь.

Ф а н н и о. Скажи, Руффо, когда должен Лидио встретиться с ней?

Р у ф ф о. Чем скорее, тем лучше.

Ф а н н и о. В какое время?

Р у ф ф о. Днем.

С а н т и л л а. А вдруг меня увидят?

Р у ф ф о. Пусть видят, ничего страшного. Ведь она хочет, чтобы дух заставил тебя прийти к ней в виде женщины.

Ф а н н и о. Как же ты сумеешь превратить Лидио в женщину? Да и зачем Фульвии женщина?

Р у ф ф о. Думаю, что она хотела сказать — в одежде женщины, а не в виде женщины. По крайней мере, мне она именно так сказала.

С а н т и л л а. Вот уж завязка так завязка! Пони-маешь, Фаннио?

Ф а н н и о. Отлично понимаю, и это мне по душе.

Р у ф ф о. Что ж, согласны?

С а н т и л л а. Скоро мы сообщим наше оконча-тельное решение.

Р у ф ф о. Где мы встретимся?

Ф а н н и о. Здесь.

С а н т и л л а. Кто придет первым, пусть дождется другого.

Р у ф ф о. Ладно. Прощайте.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ф а н н и о, С а н т и л л а, в мужском платье.

Ф а н н и о. Само небо ниспосылает нам возмож-ность, вполне отвечающую твоему желанию: чтобы сегодня никто тебя не обнаружил. В женском платье тебя не распознал бы сам Юпитер; к тому же, как скоро ты убедишься, что она продажная, тебе наверняка будут перепадать кое-какие денежки в уплату за молчание. Только смотри не проговоришься! А дело-то — суцая умо-ра: она требует, чтобы ты имел вид женщины, ты же, будучи и в самом деле женщиной, к ней пойдешь, и Фульвия, испытав то, чего добивается, обнаружит то, чего она вовсе не желала бы.

С а н т и л л а. Что ж! Я готова!

Ф а н н и о. Впрочем, можно и отказаться.

С а н т и л л а. Ладно, беги домой, разузнай, что там происходит, раздобудь женское платье — и сюда! Меня найдешь в лавке Франдзино, и мы дадим Руффо утвер-дительный ответ.

Ф а н н и о. Скройся куда-нибудь, ибо человек, которого я там вижу, может оказаться посланцем Перилло и, возможно, разыскивает тебя.

С а н т и л л а. Хоть он и не из наших, однако лучше поостеречься.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Фессенио, Фульвия.

Фессенио. Подойду-ка я к Фульвии, которая, как я вижу, появилась на своем пороге, и скажу, что Лидио собирается уехать. Интересно, как она к этому отнесется.

Фульвия. Рада тебя видеть, дорогой Фессенио. Скажи, что с моим Лидио?

Фессенио. Он, мне кажется, не в себе.

Фульвия. Говори скорей, что с ним?

Фессенио. Да ничего особенного. Просто решил отправиться на розыски своей сестры Сантиллы.

Фульвия. О, я несчастная! Неужели он хочет уехать?

Фессенио. Да, он так решил.

Фульвия. Фессенио, милый, если ты хочешь для себя пользы, если тебе дорого благополучие Лидио, если ты считаешься с моим счастьем, разыщи его, уговори, упроси, заставь, умоли, чтобы он не уезжал; я сделаю все, чтобы его сестру искали по всей Италии, и, если ее найдут, я тут же, дорогой Фессенио, как я уже не раз тебе говорила, женю на ней моего единственного сына, Фламинио.

Фессенио. Значит, твое обещание я могу передать хозяину?

Фульвия. Можешь. Клянусь, что так я и сделаю.

Фессенио. Уверен, что ему это будет приятно слышать и наверняка образумит его.

Фульвия. Если ты не похлопочешь перед Лидио, я погибла. Уговори его спасти жизнь, которая целиком принадлежит ему.

Фессенио. Сделаю все, что ты просишь, и, дабы угодить тебе, поспешу домой, где он сейчас сидит и ждет меня.

Фульвия. Милый Фессенио, этим ты принесешь себе пользу не меньшую, чем мне. Ступай с Богом.

Фессенио. Несчастливая женщина! Она влюблена в него как кошка, и, клянусь, стоит ее пожалеть. Хорошо, если бы Лидио, переодетый, как обычно, в женщину, пришел к ней сегодня же. Да, верно, он так и сделает, ибо жаждет этого не меньше, чем она. Однако прежде всего надобно уладить дело с Каландро. А вот и он, тут как тут. Навру-ка ему, что я уже все уладил.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Фессенио, Каландро.

Фессенио. Здравствуй, хозяин, ведь ты наверняка здравствуешь, раз я желаю тебе здравствовать. Дай руку.

Каландро. И руку и ногу.

Фессенио. Большого остроумия от него ожидать нельзя!

Каландро. Как мои дела?

Фессенио. Твои дела? Весь мир принадлежит тебе, ты счастливец из счастливых.

Каландро. Что ты мне принес?

Фессенио. Принес тебе твою Сантиллу, которая обожает тебя сильнее, чем ты ее, и которая жаждет быть с тобой больше, чем жаждешь этого ты. Я ей нарасказал столько про твою щедрость, красоту и ум, что теперь она хочет именно того, что хочешь ты. Послушай, хозяин: не успела она услышать твое имя, как вспылала к тебе превеликой любовью. Теперь ты действительно будешь счастлив.

Каландро. Ох, Фессенио, неужто правду ты говоришь? Не дождусь присосаться к этим аленьким губкам, к этим щечкам цвета вина с варенцом!

Фессенио. Ты хотел сказать — крови с молоком.

Каландро. Фессенио, я готов сделать тебя императором.

Фессенио. Вот как просто, оказывается, добыть императорскую корону.

Каландро. Сейчас же идем к ней!

Фессенио. Ишь заторопился! Или ты думаешь, что она девка из публичного дома? Ты должен идти к ней чинно.

Каландро. Как же к ней надо идти?

Фессенио. Ногами.

Каландро. Сам знаю, что ногами, но я спрашиваю: каким образом?

Фессенио. Ты должен понимать, что, если пойдешь к ней в открытую, тебя могут увидеть. Чтобы тебя не обнаружили, а ее не опозорили, необходимо тебе залезть в сундук, приказать отнести этот сундук к ней в спальню, и там вы насладитесь тем, чем вам обоим прищичит наслаждаться.

К а л а н д р о. Так, значит, я пойду к ней не ногами, как ты сам говорил?

Ф е с с е н и о. Ха-ха-ха! Какой догадливый любовник! Быстро ты догадался!

К а л а н д р о. Но это не страшно — в сундуке-то, а? Как ты считаешь, Фессенио?

Ф е с с е н и о. Нет, поросеночек ты мой, о нет.

К а л а н д р о. Скажи, а сундук будет достаточно велик, чтобы я мог целиком в нем поместиться?

Ф е с с е н и о. Да какое это имеет значение? Не поместишься целиком — разрежем тебя на куски.

К а л а н д р о. Как — на куски?

Ф е с с е н и о. Так просто, на куски.

К а л а н д р о. О! Каким же образом?

Ф е с с е н и о. Обыкновенным образом.

К а л а н д р о. Объясни.

Ф е с с е н и о. Будто сам не знаешь?

К а л а н д р о. Не знаю, вот тебе крест.

Ф е с с е н и о. Когда б ты был мореплавателем, ты бы видел, как часто случается набивать в маленькую лодку целую сотню людей. Они ни в жизнь не влезли бы, если бы не отрубить у кого кисть руки, у кого всю руку, а у кого и обе ноги. Словом, с людьми поступают как с любим другим товаром — укладывают их слоями, штабелями, лишь бы они занимали поменьше места.

К а л а н д р о. А потом?

Ф е с с е н и о. А потом, приплыв в гавань, каждый по своему усмотрению подбирает и приделывает себе свой отрубленный член, хотя, конечно, случается, что по рассеянности или злomu умыслу кто-нибудь возьмет себе чужой и приляпает его туда, куда ему больше понравится. Иной раз бывает и так, что берут то слишком длинную руку, то слишком короткую ногу, отчего потом оказываются хромыми или нескладными. Понимаешь?

К а л а н д р о. Еще бы! Я уж, будь спокоен, позабочусь о том, чтобы в сундуке мне ничего не подменили.

Ф е с с е н и о. Если ты сам не подменишь, никто другой наверняка не подменит: ты же один полезешь в сундук. Если же, как я говорил, ты целиком в него не войдешь, мы сможем — как у тех, что плавают на корабле, — отнять хотя бы одни только ноги, так как они тебе не понадобятся, поскольку тебя все равно будут нести.

К а л а н д р о. А в каких местах разнимают человека на части?

Ф е с с е н и о. А в тех местах, где тело вращается; взять хоть тут, тут или тут. Хочешь посмотреть?

К а л а н д р о. Прощу тебя, покажи.

Ф е с с е н и о. Вмиг покажу, ибо это не трудно и делается это при помощи небольшого заклинания. Повторяй заклинание за мной, но вполголоса, иначе стоит тебе хоть раз вскрикнуть, как все пойдет прахом.

К а л а н д р о. Не беспокойся.

Ф е с с е н и о. Давай попробуем. Подойди сюда, дай руку и повторяй за мной: амбракуллак.

К а л а н д р о. Анкулабрак.

Ф е с с е н и о. Вот ты и ошибся. Скажи: амбракуллак.

К а л а н д р о. Алабракук.

Ф е с с е н и о. Еще хуже. Амбракуллак.

К а л а н д р о. Алукабрак.

Ф е с с е н и о. Ай-ай-ай! В таком случае давай по складам: Ам...

К а л а н д р о. Ам...

Ф е с с е н и о. Бра...

К а л а н д р о. Бра...

Ф е с с е н и о. Кул...

К а л а н д р о. Кул...

Ф е с с е н и о. Лак.

К а л а н д р о. Лак.

Ф е с с е н и о. Ду...

К а л а н д р о. Ду...

Ф е с с е н и о. Ра...

К а л а н д р о. Ра...

Ф е с с е н и о. Лей.

К а л а н д р о. Лей.

Ф е с с е н и о. Вот.

К а л а н д р о. Вот.

Ф е с с е н и о. Уж.

К а л а н д р о. Уж.

Ф е с с е н и о. Как.

К а л а н д р о. Как.

Ф е с с е н и о. Дам.

К а л а н д р о. О-о-о! Ой-ой-ой! Рука, рука!

Ф е с с е н и о. Ты этак целый мир загубишь. О, проклятое беспамятство и проклятое нетерпение! О, скотская твоя утроба! Разве я не говорил тебе, что ты не должен кричать? Ты погубил все заклинание.

К а л а н д р о. А ты погубил мне руку.

Ф е с с е н и о. Знаешь, что теперь тебя уже нельзя разнять?

К а л а н д р о. Как же быть?

Ф е с с е н и о. Придется доставать такой сундук, в который ты бы мог влезть целиком.

К а л а н д р о. Ладно, пусть так, я согласен. Только, ради Бога, пойди и достань его, чтобы меня не пришлось разнимать. Ты же мне и так чуть не выломал руку, скотина ты этакая.

Ф е с с е н и о. Вмиг все устрою.

К а л а н д р о. А я схожу на рынок и тотчас вернусь.

Ф е с с е н и о. Ладно. Прощай. А теперь хорошо бы разыскать Лидию и обмозговать с ним это веселое дельце. Смеху хватит на целый год. Однако я скроюсь, ни слова не сказав Самии. Она, я вижу, стоит на пороге и что-то бормочет про себя.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

С а м и я, одна.

С а м и я. Чего только не насмотришься на этом свете! Еще месяца не прошло с тех пор, когда Лидию, воспылав к моей госпоже великой любовью, не мог и часа без нее прожить. А теперь, увидев, что и она вовсю распалилась, ценит ее не дороже дерьма. Если не найдется способа помочь ей, Фульвия наверняка выкинет такое, что весь город всполошится. Да к тому же сдается мне, что братья Каландро кое-что об этом уже пронюхали, и сама она в этом виновата, ибо ни о ком другом, как только о Лидию, она не думает, не заботится и не говорит. А ведь недаром идет молва, что у кого на сердце любовь, у того шпора в боку... Дай Бог, чтобы все повернулось к лучшему.

Голос Фульвии: «Самия!»

Ишь ты! Сверху меня кличет. Небось в окно увидела, что Лидию с кем-то там разговаривает, а то, может быть, и снова хочет послать меня к Руффо.

Голос Фульвии: «Са-а-мия!»

Иду-у-у!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Сан т и л л а, в мужском платье, Ф а н н и о.

Сан т и л л а. Так тебе сказала Тиресия?

Ф а н н и о. Да.

Сан т и л л а. И о моей женитьбе говорят в доме как о деле решенном?

Ф а н н и о. Так.

Сан т и л л а. И Вирджиния этому рада?

Ф а н н и о. На седьмом небе.

Сан т и л л а. И готовится свадьба?

Ф а н н и о. Весь дом в хлопотах.

Сан т и л л а. И они воображают, что я довольна?

Ф а н н и о. Они в этом уверены.

Сан т и л л а. О, несчастная Сантилла! То, что другим на пользу, одной мне во вред. Ласковое обращение Перилло и его жены — для меня нож острый, так как я не могу сделать ни того, что они желают, ни того, что могло бы меня спасти! Увы, уж лучше бы Господь даровал мне вместо света мрак, вместо жизни смерть и вместо колыбели могилу, когда я из материнского чрева вышла на свет Божий, ибо в тот самый миг, как я родилась, счастьем моему было суждено умереть. О, сколь безгранично блажен ты, мой сладчайший брат, если, как я предполагаю, ты остался мертвым на родине! А что делать мне, несчастной Сантилле? Ведь только так, а не Лидио могу я отныне называться: я женщина, и приходится быть мужем. Если я женюсь на Вирджинии, она тотчас же обнаружит, что я женщина, а не мужчина, и оскорбленные отец, мать и дочь смогут распорядиться, чтобы меня убили. Отказаться от женитьбы я не могу, а если откажусь, то они проклянут меня и отошлют домой. Если я открою, что я женщина, я сама себе наврежу. Но оставаться в прежнем положении я тоже не могу. Горькая моя участь, ибо с одной стороны передо мною — пропасть, а с другой — волки.

Ф а н н и о. Не отчаивайся, ибо небо тебя, быть может, и не оставит. Мне думается, надо следовать твоему решению — не попадаться сегодня на глаза Перилло. И очень кстати пойти тебе к этой женщине. Платье для тебя я уже приготовил. Помни, что, кто уберет себя от одной беды, избежал их тысячи.

Сан т и л л а. Я всё сделаю. Но где же Руффо?

Ф а н н и о. Останемся здесь, ведь мы условились: кто придет первым, тот должен дожидаться другого.

С а н т и л л а. Лучше, чтобы Руффо нас ждал. Отойдем отсюда, чтобы нас не увидел вон тот человек. Вдруг он меня разыскивает по поручению Перилло. Правда, мне сдается, что он не из его людей.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Ф е с с е н и о, К а л а н д р о.

Ф е с с е н и о. Дело обернулось так, что лучше не придумашь. Лидио одевается женщиной, дожидается Каландро в своей нижней спальне и предстанет перед ним в облике прелестнейшей девушки. Засим, чтобы разыграть эту новеллу, Лидио зашторит окна, уложит рядом с Каландро некую потаскуху. Болван этот замешан на таком густом тесте, что осла от соловья не отличит. Гляди-ка, а вот и он собственной персоной идет сюда веселый-превеселый. Да хранит тебя Бог, хозяин.

К а л а н д р о. И тебя также, дорогой Фессенио! Сундук готов?

Ф е с с е н и о. Весь как есть готов, и ты в нем поместишься, не растрепав ни единого волоска, если только поудобней в нем уляжешься.

К а л а н д р о. Улягусь как нельзя лучше. Но скажи мне одну вещь, которой я не знаю.

Ф е с с е н и о. Что такое?

К а л а н д р о. В сундуке мне нужно лежать бодрствующим или спящим?

Ф е с с е н и о. О, вот вопрос так вопрос! Как это так — бодрствующим или спящим? Разве ты не знаешь, что верхом на лошади люди бодрствуют, по улице ходят, за столом едят, на лавках сидят, в постели спят, а в сундуках умирают?

К а л а н д р о. Как это — умирают?

Ф е с с е н и о. Так-таки умирают. А что?

К а л а н д р о. Черт! Плохо дело.

Ф е с с е н и о. Разве ты никогда не умирал?

К а л а н д р о. Насколько помню, никогда.

Ф е с с е н и о. Откуда же ты знаешь, что это плохо, раз ты никогда не умирал?

К а л а н д р о. А ты сам умирал когда-нибудь?

Ф е с с е н и о. О-о-о! Тысячу и тысячу раз, не в бровь, а прямо в глаз.

К а л а н д р о. А это очень трудно?

Ф е с с е н и о. Не трудней, чем спать.

К а л а н д р о. Придется и мне умереть?

Ф е с с е н и о. Да, когда залезешь в сундук.

К а л а н д р о. А кто меня умертвит?

Ф е с с е н и о. Сам помрешь.

К а л а н д р о. А как это помирают?

Ф е с с е н и о. Помереть — это целая история. Раз ты этого не знаешь, я охотно тебе расскажу, как это делается.

К а л а н д р о. А ну-ка расскажи.

Ф е с с е н и о. Закрываешь глаза, руки складываешь крестом на груди, лежишь спокойно-спокойно, тихо-тихо, ничего не видишь и не слышишь, кто бы что ни сделал или ни сказал.

К а л а н д р о. Понимаю, но самое главное — как сделать, чтобы снова ожить?

Ф е с с е н и о. Это-то как раз и есть одна из самых глубоких тайн, какие только бывают на свете, и почти никто ее не знает. Будь уверен, что я никому другому ее не поведал бы, но тебе скажу. Однако смотри, Каландро, поклянись, что ты никому на свете никогда ее не откроешь.

К а л а н д р о. Клянусь, что никому не открою; более того, если ты потребуешь, то я сам себе ее не скажу.

Ф е с с е н и о. Ха-ха! Самому себе, пожалуйста, говори, но только в одно ухо, но никак не в другое.

К а л а н д р о. Не тяни же, ради Бога!

Ф е с с е н и о. Вероятно, ты знаешь, что живой от мертвого ничем не отличается, кроме того, что мертвый никогда не двигается, а живой двигается всегда, а потому, если ты будешь точно делать то, что я скажу, ты непременно будешь воскресать.

К а л а н д р о. Ну говори.

Ф е с с е н и о. Повернувшись лицом к небу, ты плюешь вверх, затем встряхиваешься всем телом, открываешь глаза, начинаешь что-нибудь говорить и дрыгать ногами; тогда смерть прощается с тобой и уходит себе с Богом, а человек оживает. И заруби себе на носу, Каландро: кто поступает так, тот не мертвый.

Отныне ты имеешь право сказать, что владеешь такой великой тайной, какая только бывает на белом свете и в наших благословенных краях.

К а л а н д р о. Конечно, я очень это ценю и теперь сумею спокойно умереть и ожить по своему усмотрению.

Ф е с с е н и о. Конечно, по своему усмотрению! Эх и болван же ты, хозяин!

К а л а н д р о. И все буду исполнять точка в точку.

Ф е с с е н и о. Это самое главное.

К а л а н д р о. Чтобы ты убедился, как я все хорошо понял, давай я тебе сейчас покажу...

Ф е с с е н и о. Давай, давай! Очень хорошо. Только гляди, делай это как следует.

К а л а н д р о. Сам увидишь. Ну вот, смотри!

Ф е с с е н и о. Скриви рот. Еще. Как следует скриви. В другую сторону. Ниже. Ну-ну. А теперь начинай умирать. Отлично, чего только не сделаешь с умным человеком! Кто мог бы так ловко выучиться умирать, как не сей отменный муж, который столь натурально умирает, если глядеть на него со стороны? Коли он так же хорошо умирает и изнутри, он ничего не почувствует, что бы с ним ни делали. Сейчас проверим. Чик — хорошо! Чик — отлично! Чик — еще лучше. Каландро, эй, Каландро, Каландро!

К а л а н д р о. Я мертв, я мертв!

Ф е с с е н и о. Теперь воскресни, воскресни! Так, так. Клянусь честью, ты здорово умираешь. Плюй вверх.

К а л а н д р о. О, о, у, о, о, у, у! Право же, ты скверно поступил, оживив меня.

Ф е с с е н и о. Почему?

К а л а н д р о. Только я начал различать потусторонний мир...

Ф е с с е н и о. Ты его разглядишь хорошенько на дороге в сундуке.

К а л а н д р о. Я прямо сгораю от нетерпения.

Ф е с с е н и о. Ну пошли! Время не терпит, а по части смерти и воскресения ты настоящий мастак.

К а л а н д р о. Идем отсюда скорей!

Ф е с с е н и о. Э, нет, обожди! Все должно следовать своим чередом. Ведь не хочешь же ты, чтобы Фульвия обо всем догадалась. Пойди скажи ей, что отправляешься на свою виллу; потом приходи в дом к

Меникуччо, где застанешь меня со всеми нужными приспособлениями.

К а л а н д р о. Ладно, бегу, ибо зверек мой уже наготове.

Ф е с с е н и о. Покажи, в порядке ли он у тебя?

К а л а н д р о. Ха-ха! Я хотел сказать, что мул стоит в дверях и уже оседлан.

Ф е с с е н и о. А-а! Мул-то, оказывается, у тебя смекалистый.

К а л а н д р о. Э, Фессенио, Фессенио! Мне кажется, что я уже дал шпоры и лечу в объятия этой моей девочки, этого ангелочка.

Ф е с с е н и о. Ангелочка? Ой ли? Ну так и быть, мчись. И я не я, если нынче же глупость не покроет сальность. Однако надо и мне поспешить и сказать этой грязной спинке, чтобы она приготовилась. У-у-ух ты! Поглядите только на Каландро, он уже верхом. Чудо-герой этот маленький мул, который так легко несет на своей спине этакого огромного, вонючего слона!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

К а л а н д р о, Ф у л ь в и я.

К а л а н д р о. Фульвия! Фульвия!

Ф у л ь в и я. Что вам, сударь?

К а л а н д р о. Выгляни в окно.

Ф у л ь в и я. В чем дело?

К а л а н д р о. Какое еще тебе дело? Просто я еду на загородную виллу, чтобы присмотреть за нашим Фламинио. Боюсь, что он слишком изводит себя на охоте.

Ф у л ь в и я. Правильно делаешь. Когда вернешься?

К а л а н д р о. Быть может, еще сегодня. Ну, с Богом, Фульвия!

Ф у л ь в и я. С миром. Скатертью дорожка! Поглядите-ка, каким очаровательным муженьком наградили меня мои братцы! Да меня прямо с души воротит, стоит только на него взглянуть!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Фессенио, один.

Фессенио. Полюбуйтесь, почтенные зрители, вот они, любовные трофеи! Кто мечтает о том, чтобы по сходной цене приобрести благородство, остроумие, находчивость, пусть купит эти одежды и некоторое время их поносит, ибо принадлежат они очаровательному Каландро, человеку настолько пронизательному, что, влюбившись в юношу, он принимает его за девуцу, человеку, в котором столько святости, что он по желанию умирает и воскресает. Кто хочет их купить, пусть раскошеляется! Я продаю вещи ушедшего из этой жизни, ибо еще прежде, чем попасть в объятия любимой, он прикинулся мертвым... Вот смеху-то! А в это самое время Лидию, обрядившись в нарядное женское платье, потирая руки, предвкушает появление этого нетерпеливого любовника, который, по чести говоря, гнуснее самого Браманта. Я же поспешил вперед, чтобы встретиться здесь с одной потаскухой, с которой заранее обо всем условился. А вот и она. Смотрите-ка, а там с сундуком стоит носильщик, воображающий, что несет драгоценнейший товар, и вовсе не подозревающий, что паскуднее этого товара не найдется на всем белом свете. Никто не хочет этой одежды? Нет? В таком случае прощайте, зрители! Я же пойду и устрою все дело так, что глупый немощный баран покроет самую что ни на есть грязную свинью. Счастливо оставаться.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Блудница, Фессенио, носильщик, таможенная стража, Каландро.

Блудница. А вот и я, Фессенио, пойдём, что ли?

Фессенио. Пусть сперва протащат этот наш сундучок. Не туда, носильщик, не туда. Иди прямо.

Блудница. Что в нем такое?

Фессенио. В нем, душенька, нечто для тебя.

Б л у д н и ц а. Что?

Ф е с с е н и о. Шелк и атлас.

Б л у д н и ц а. Чьи они?

Ф е с с е н и о. Того, с кем тебе предстоит кутнуть, красotka.

Б л у д н и ц а. О! А он мне что-нибудь отвалит?

Ф е с с е н и о. Конечно, если только ты провернешь то дельце, о котором мы с тобой говорили.

Б л у д н и ц а. Уж я, будь спокоен, не подкачаю.

Ф е с с е н и о. Главное, не забывай, что тебя зовут Сантиллой, да и обо всем остальном помни.

Б л у д н и ц а. Все, все помню.

Ф е с с е н и о. Иначе ни гроша не получишь.

Б л у д н и ц а. Выполняю все в точности. Однако — ай-ай-ай! — чего это стражники прицепились к нашему носильщику?

Ф е с с е н и о. Беда! Стой тихо и гляди в оба!

С т р а ж н и к. Ну, мерзавец, что там внутри?

Н о с и л ь щ и к. Почему я знаю!

С т р а ж н и к. На таможне был?

Н о с и л ь щ и к. Никак нет.

С т р а ж н и к. Что внутри? Признавайся!

Н о с и л ь щ и к. Честное слово, не знаю.

С т р а ж н и к. Говори, негодяй!

Н о с и л ь щ и к. Мне было сказано: шелк, не то какой-то атлас! Так мне сказали!

С т р а ж н и к. Ах, шелк?

Н о с и л ь щ и к. Ну да, шелк.

С т р а ж н и к. Он заперт?

Н о с и л ь щ и к. Пожалуй, что нет.

С т р а ж н и к. В нем запрещенные товары. Поставь-ка сундук!

Н о с и л ь щ и к. Зачем же ставить, начальник?

С т р а ж н и к. Ставь, негодяй! Хочешь, чтобы я всыпал тебе хорошенько?

Ф е с с е н и о. Вот еще незадача! Дело-то наше, кажется, дрянь, все пошло прахом, остались мы у разбитого корыта!

Б л у д н и ц а. В чем дело?

Ф е с с е н и о. Рухнула наша затея.

Б л у д н и ц а. Говори, Фессенио! В чем дело?

Ф е с с е н и о. Помоги мне, Софилла.

Б л у д н и ц а. Чем могу я тебе помочь?

Ф е с с е н и о. Плачь, причитай, рви на себе волосы.

Б л у д н и ц а. Зачем?

Ф е с с е н и о. Скоро узнаешь.

Б л у д н и ц а. Вот так. О-о, у-а!

С т р а ж н и к. У-у-ух! Да здесь покойник!

Ф е с с е н и о. Что вы там делаете? Что вы ищете?

С т р а ж н и к. Носильщик признался, что там товар, а оказался — мертвец.

Ф е с с е н и о. И притом самый настоящий.

С т р а ж н и к. Кто он?

Ф е с с е н и о. Муж этой несчастной. Разве вы не видите, как она убивается?

С т р а ж н и к. Почему же вы несете его в сундуке?

Ф е с с е н и о. Говоря по чести, чтобы обмануть людей.

С т р а ж н и к. Зачем же вам нужно их обманывать?

Ф е с с е н и о. Иначе все будут от нас шарахаться.

С т р а ж н и к. Почему же они будут шарахаться?

Ф е с с е н и о. Он умер от чумы.

С т р а ж н и к. От чумы? А я-то, несчастный, до него дотронулся!

Ф е с с е н и о. Сам виноват.

С т р а ж н и к. Куда вы его тащите?

Ф е с с е н и о. Закопать в какую-нибудь яму, а то и просто швырнем в речку — и делу конец.

К а л а н д р о. Как?! Ты хочешь меня утопить? Я еще не умер, я жив, я вам покажу, негодяи!

Ф е с с е н и о. Ишь какого страха нагнал, все задали стрекача! Эй, Софилла, носильщик! Софилла, носильщик! Поди ты, попробуй догони их! Сам черт не догонит. Вот и связывайся после этого с идиотами!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

К а л а н д р о, Ф е с с е н и о.

К а л а н д р о. А, мерзавец, ты хотел утопить меня?

Ф е с с е н и о. Уж не собираешься ли ты меня побить, хозяин?

К а л а н д р о. А что ж ты думал, негодяй ты этакий?

Ф е с с е н и о. За что?

К а л а н д р о. Он еще будет спрашивать — за что, подлец!

Фессенио. «Несчастен тот, кому добром не угодишь». Значит, ты меня обижаешь за то, что я тебя спас?

Каландро. Как же ты меня спас?

Фессенио. Как спас? А вот отнесли бы тебя в таможеню, так ты бы иное запел.

Каландро. Ну и пусть бы отнесли, что с того?

Фессенио. Как это — что с того? Нет, ты и вправду заслужил, чтоб тебя отнесли туда. Хлебнул бы горя.

Каландро. Какого же горя?

Фессенио. Словно ты только сегодня родился. Посуди сам: тебя изловили на месте преступления, задержали, а потом наверняка продали бы, как продают всякое другое барахло, которое отбирают за нарушение таможенных законов.

Каландро. Так, значит, ты совершил очень добрый поступок. Прости меня, Фессенио.

Фессенио. Другой раз не торопись сердчать. Я не я, если не отплачу тебе за обиду.

Каландро. Хорошо, Фессенио, другой раз не буду торопиться. Но скажи, кто была эта уродина, которая так поспешно удрала?

Фессенио. Кто она такая? А! Да разве ты ее не знаешь?

Каландро. Нет.

Фессенио. Это сама смерть была вместе с тобой в сундуке.

Каландро. Со мной в сундуке?

Фессенио. Да, с тобой.

Каландро. О-о! Но я ее там что-то не заметил.

Фессенио. О, наивный человек! Да ведь ты ни сна не видишь, когда спишь, ни жажды, когда пьешь, ни голода, когда ешь. Более того: если хочешь знать правду, то и сейчас, когда жив, ты же не видишь жизни, а все-таки она при тебе.

Каландро. Конечно, не вижу. Ты прав.

Фессенио. И смерти не видишь, когда умираешь.

Каландро. А отчего убежал носильщик?

Фессенио. От смерти. Я даже боюсь, что сегодня ты не сможешь пойти к Сантилле.

Каландро. Если сегодня я не буду с ней, считай меня трусом.

Фессенио. Не сумею тебе помочь, коли ты сам не приложишь некоторых усилий.

К а л а н д р о. Фессенио, чтобы очутиться с ней, я сделаю все возможное, вплоть до того, что с босыми ногами залезу в постель.

Ф е с с е н и о. Ха-ха! В постель с босыми ногами, каково? Нет, это уж слишком! Не дай Бог!

К а л а н д р о. Так что же мне делать, Фессенио?

Ф е с с е н и о. Тебе нужно переодеться носильщиком, наряд этот, а также твоя физиономия, которая сильно изменилась, покуда ты побывал в покойниках, сделают тебя неузнаваемым. Я же появлюсь там в качестве того столяра, который смастерил сундук. Сантилла тотчас же смекнет, в чем дело, ибо она мудрей любой сивиллы, и вы вволю насладитесь друг другом.

К а л а н д р о. О, ты ловко придумал. Ради нее я готов навьючить на себя любую поклажу.

Ф е с с е н и о. Вот это страсть так страсть, когда человек готов превратиться во вьючного мула! Тпру-у-у! Стой смирно! О, черт, да ты падаешь. Стой! Держись!

К а л а н д р о. Все в порядке.

Ф е с с е н и о. Но-о, пошел! Остановись у двери, а я пойду следом. Ну и хороша же эта вьючная скотина под своей ношей! Глупое ты животное! Да, главное, надо успеть привести с черного хода эту самую потаскуху. Лидио, хочет он того или нет, а придется пойти на то, чтобы Каландро его поцеловал. Но сколь противны покажутся ему поцелуи этого болвана, столь сладкими будут ему поцелуи красавицы Фульвии. Но вот и Самия. Она не заметила Каландро. Скажу ей два слова про Лидио для Фульвии, пусть этот рогатый ублюдок Каландро вдвойне почувствует свой груз.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ф е с с е н и о, С а м и я.

Ф е с с е н и о. Откуда ты?

С а м и я. От того самого некроманта, к которому она меня только что посылала.

Ф е с с е н и о. А что он сказал?

С а м и я. Что скоро к ней придет.

Фессенио. Э-э! Все это брехня. Я иду к Лидио, чтобы выполнить то, что госпожа твоя мне намедни наказала.

Самия. Разве он дома?

Фессенио. Да.

Самия. И что ты думаешь?

Фессенио. Между нами, ничего хорошего. Впрочем, не знаю.

Самия. Боюсь, что все лопнуло. Ну посмотрим.

Фессенио. Прощай.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Самия, Фульвия.

Самия. Могу вас заверить, что все обстоит хорошо, ибо ничего хорошего ни от Лидио, ни от духа я не принесла. На этот раз пусть Фульвия впадает в отчаяние. Смотрите, вот она уже дожидается на пороге.

Фульвия. Чего так долго?

Самия. Я только сейчас отыскала Руффо.

Фульвия. Что он говорит?

Самия. Да ничего, так мне кажется.

Фульвия. А все-таки?

Самия. Что дух ответил... О, как это он сказал?.. Не припомню.

Фульвия. Чтоб тебе пусто было, гусиные твои мозги!

Самия. О-о-о, да, припоминаю: говорит, что дух ответил художественно.

Фульвия. Ты хочешь сказать — двусмысленно?

Самия. Да, похоже.

Фульвия. И это все?

Самия. Сказал, что снова его попросит.

Фульвия. Еще что?

Самия. Что, желая тебе услужить, он тотчас же придет к тебе и сам все скажет.

Фульвия. Боже, Боже! Ничего-то из этого не выйдет. А Лидио?

Самия. Считается с тобой не больше, чем со старым башмаком.

Фульвия. Ты его видела?

Самия. И даже говорила.

Ф у л ь в и я. Скажи, в чем там дело?

С а м и я. Боюсь огорчить тебя.

Ф у л ь в и я. В чем там дело? Говори сейчас же.

С а м и я. Да получилось так, что он тебя вроде никогда и не знал.

Ф у л ь в и я. Что ты говоришь?

С а м и я. Так он сказал.

Ф у л ь в и я. А может, тебе только показалось?

С а м и я. Нет, он так мне ответил, что я даже напугалась.

Ф у л ь в и я. А если он решил тебя разыграть?

С а м и я. Зачем бы он стал морочить мне голову?

Ф у л ь в и я. Может быть, ты плохо ему объяснила?

С а м и я. Я сказала все, что ты велела.

Ф у л ь в и я. Он был один?

С а м и я. Нет, но я отвела его в сторону.

Ф у л ь в и я. А может, ты говорила слишком громко?

С а м и я. Почти что на ухо.

Ф у л ь в и я. В конце концов, что же он тебе сказал?

С а м и я. Прогнал меня.

Ф у л ь в и я. Значит, он меня больше не любит?

С а м и я. Не любит и не уважает.

Ф у л ь в и я. Ты думаешь?

С а м и я. Уверена в этом.

Ф у л ь в и я. Несчастливая, что я слышу!

С а м и я. Теперь ты понимаешь?

Ф у л ь в и я. А обо мне он тебя даже не спрашивал?

С а м и я. Куда там! Сказал, что и в глаза тебя не видел.

Ф у л ь в и я. Значит, он забыл меня?

С а м и я. Хорошо еще, если не возненавидел!

Ф у л ь в и я. О жестокие небеса! Вот когда я поняла наконец, сколь он жестокосерд и сколь я несчастлива! О, как печальна женская наша доля! Как плохо вознаграждается женская любовь! О, безумная, зачем нужно было вкладывать столько страсти в любовь к этому человеку! Порой мне кажется, что я сама себе уже больше не принадлежу! А вы, небеса, почему не заставляете Лидию любить меня так, как я его люблю? Тогда заставьте меня бегать от него так, как он бегаёт от меня! О, жестокая, о чем прошу я? Разлюбить

и бежать от своего Лидио? Но ведь этого я не могу и не хочу. О нет, я сама мечтаю к нему пойти, и почему мне нельзя один-единственный раз одеться мужчиной и пойти к нему так же, как он, переодевшись женщиной, не раз ко мне являлся? Ведь это разумно, и Лидио, конечно, заслуживает того, чтобы не только это, но и большее было сделано ради него. Почему же я не должна этого делать? Почему я не иду, не спешу, не лечу? Почему я не пользуюсь своей молодостью? Горе тому, кто воображает, будто молодость можно вернуть. Когда я еще найду такого возлюбленного? Когда еще представится более удобный случай пойти к нему? Лидио сейчас дома, а муж мой в отлучке. Кто запретит мне? Кто удержит меня? Конечно, я так и поступлю, ведь я прекрасно заметила, что Руффо не очень-то был уверен, что сумеет расположить духа в мою пользу. Посредники никогда не действуют так исправно, как те, кого это непосредственно касается: они не выбирают подходящего времени и не проявляют страсти влюбленного. Но если я пойду к Лидио, он увидит мои слезы, почувствует мое горе, услышит мои мольбы, я брошусь к его ногам, притворюсь умирающей, руками обовью его шею. Неужели же он будет столь жесток, что не дрогнет, не пожалеет меня? Любовные речи, воспринятые сердцем через слух, действуют сильнее, чем это можно себе представить, и для любящих почти нет ничего невозможного. Так я и поступлю. А теперь пойду и переоденусь мужчиной, ты же, Самия, посторожи у дверей и никому не давай останавливаться, чтобы при выходе из дома меня не узнали. Все это я сделаю мгновенно.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Самия, Фульвия.

С а м и я. О, бедные, несчастные женщины! Каким только невгодам не подвергаемся мы, когда полюбим. Вот Фульвия, некогда столь осторожная, ныне, воспылав к этому человеку страстью, не знает, что ей делать. Не имея возможности насладиться своим Лидио, она отправляется к нему в мужской одежде, даже не помышляя о том, сколько несчастий может произойти,

если только об этом проведуют. Она отдала ему свое добро, свою честь, свою плоть, а что получила взамен? Он ценит ее не дороже комка грязи. Поистине, все мы обездоленные! А вот и она идет, уже переделалась. Не сдастся ли вам, дорогие зрители, что она быстрехонько управилась?

Ф у л ь в и я. Слушай, я иду к Лидио, а ты оставайся здесь и держи дверь на запоре, покуда я не вернусь.

С а м и я. Исполню все в точности, будь спокойна. Ишь ты, как понеслась!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Ф у л ь в и я, одна.

Ф у л ь в и я. Поистине, нет ничего, к чему любовь не могла бы принудить человека. Прежде я лишь с большим трудом вышла бы из дома без сопровождения, а ныне любовь гонит меня на улицу совсем одну, да еще в мужском наряде. Но если первое было робкое рабство, то второе — благородная вольность. Хотя Лидио живет совсем не близко, я все же иду к нему, ибо хорошо знаю, где находится его дом, и там я выложу все начистоту. Я могу не таиться, ибо там нет никого, кроме его старушки да еще, быть может, Фессенио, которым известно все. Никто меня не узнает, а потому дело это никогда не раскроется, а если и раскроется, то все равно лучше согрешить и покаяться, чем воздержаться и все равно покаяться.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

С а м и я, одна.

С а м и я. Она идет, чтобы доставить себе наслаждение, и если раньше я ее порицала, то теперь прощаю и даже хвалю, ибо тот, кто не отведал любви, не знает, что такое сладость жизни, тот не человек, а суцая скотина. Лично я, например, могу поклясться, что чувствую себя хорошо лишь тогда, когда провожу время с моим любовником Луско, рассыльным. Мы с ним в доме одни, а живет он здесь же во дворе. Оно и лучше, при закрытых дверях утешать друг друга, не выходя из дома. Да ведь и

сама хозяйка учит меня жить в свое удовольствие: «Безумец тот, кто не умеет ловить наслаждений, особенно когда они сами плывут тебе в руки». Что до скуки и житейских забот, то они подстерегают тебя на каждом углу. И потому лучше не упускать наслаждений. Лу-у-уско!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Фессенио, один.

Фессенио. Не запирай, эй, ты! Оглохла, что ли? Впрочем, не важно, мне и так отопрут... Ведь теперь, когда я свел Каландро с этой потаскухой, я всегда буду в этом доме желанным гостем. Поспешу рассказать все Фульвии, которая как пить дать просто лопнет от смеху. Да и поистине, дело такое, что и мертвых рассмешит. Хорошенькие, должно быть, у них тайны! Итак, к Фульвии!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Фессенио, перед дверью, Самия внутри.

Фессенио. Тик-ток, тик-ток! Что вы там, оглохли? Эй, тик-ток, не слышите?

Самия. Кто там?

Фессенио. Фессенио. Самия, отопри!

Самия. Сейчас.

Фессенио. Почему не отпираешь?

Самия. Приподнимаюсь на цыпочки, чтобы было легче засунуть ключ в скважину.

Фессенио. Поскорей, если можешь.

Самия. Не найти дырки.

Фессенио. Ну давай, давай.

Самия. Ух, ух, ух ты! Пока еще не получается.

Фессенио. Почему?

Самия. Скважина забита.

Фессенио. Подуй в ключ.

Самия. Я делаю лучше.

Фессенио. Как это — лучше?

Самия. Трясу ключ что есть мочи.

Фессенио. Так трясси посильнее!

Самия. О-о-ох! Вот это ключ так ключ, Фессенио.

Теперь я сделала все, что надо, и даже смочила ключ, чтобы он лучше отпирал.

Ф е с с е н и о. Так отпри же!

С а м и я. Уже. Разве не слышишь, что я отпираю? Готово, входи, милости прошу.

Ф е с с е н и о. Что означают все эти запоры?

С а м и я. Фульвия пожелала, чтобы сегодня дверь была на замке.

Ф е с с е н и о. Почему?

С а м и я. Тебе-то можно сказать. Переодевшись в мужчину, она отправилась к Лидию.

Ф е с с е н и о. О Самия, что ты говоришь?

С а м и я. Теперь ты понял? Я должна сторожить здесь, за запертой дверью, и отпереть ее, когда Фульвия вернется. Иди с Богом!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Ф е с с е н и о, один.

Ф е с с е н и о. Теперь я убедился, что не бывает такого трудного и сомнительного дела, на которое не решился бы человек, терзаемый страстью так, как, например, эта женщина. Она отправилась в дом к Лидию, не зная, что там находится ее муж, который, как бы он ни был глуп, непременно заподозрит самое дурное, увидев ее в мужском наряде и в этаким месте. Чего доброго, он осерчает так, что расскажет обо всем ее родне. Побегу туда и попробую как-нибудь пособить. Но, ой-ой-ой, что же это такое? Да, никак, это сама Фульвия волочит за собой Каландро, словно на аркане? Что за черт! Отойду-ка в сторонку да послушаю и погляжу, чем все это кончится.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Ф у л ь в и я, К а л а н д р о.

Ф у л ь в и я. О б р а в ы й с у п р у г, не это ли вилла, куда ты собирался ехать? Так вот оно что! А? Разве у тебя в доме дела не хватает, что ты еще куда-то сворачиваешь? Бедная я, бедная! Вот кому я отдаю столько любви, кому я так верно служу! Теперь я понимаю, почему все

прошлые ночи ты ни разу ко мне не подступался! Разгрозившись в другом месте, ты убоился вступить в бой бессиленным. Клянусь честью, я сама не понимаю, что меня удерживает, чтобы не выцарапать тебе глаза. Пожалуй, ты еще станешь врать, будто обман этот не исподтишка тобой задуман? Но, клянусь, есть люди не глупее тебя! В этот самый злой для тебя час, в этой вот самой одежде, не полагаясь ни на кого другого, я пришла туда, чтобы застать тебя врасплох. И вот я волочу тебя, как ты этого заслужил, пес ты шелудивый! Пусть тебя пристыдят, а меня пожалеют за все обиды и оскорбления, которые я от тебя, неблагодарного, натерпелась. Неужели ты, несчастный, воображаешь, что, будь я такой скотиной, как ты, я бы не отыскала способа поразвлечься с другим? Да чтоб тебе пусто было! Я не настолько стара и не настолько уродлива, чтобы от меня отказались. Если бы я меньше считалась с тобой, чем с твоей гнусностью, я, будь уверен, сумела бы отомстить той, с которой тебя застала. Однако так и быть! Но если мне когда-нибудь представится случай, я не я, если не отплачу тебе и не отомщу ей.

К а л а н д р о. Ты кончила?

Ф у л ь в и я. Да.

К а л а н д р о. Ну и черт с тобой! А теперь шуметь буду я, а не ты, негодная, ведь ты лишила меня земного рая, лишила всяческих утех, невыносимая ты женщина. Да ты ей и в подметки не годишься, ведь она и ласкает жарче, и целует слаще, чем ты. Она мне больше по вкусу, чем сладкое вино, она сияет ярче, чем звезда Дианы, она великолепней, чем полная луна, и хитроумней самой феи Морганы. Так что с ней тебе нечего и тягаться, зловредная ты баба, и худо тебе будет, если ты хоть когда-нибудь вздумаешь ее обидеть!

Ф у л ь в и я. Хватит! Довольно! Домой, домой! Отопри, эй, ты, отопри!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Ф е с с е н и о, один.

Ф е с с е н и о. Что же это такое? О любовь, сколь неизмеримо твое могущество! Сыщется ли поэт, сыщется ли ученый, философ, который сумел бы перечислить все уловки, все хитрости, которым ты обучаешь

того, кто следует за твоим стягом? Всякая иная премудрость, всякая иная ученость, от кого бы она ни исходила, беспомощна в сравнении с твоей. Какая женщина, лишенная чувства любви, смогла бы прибегнуть к подобной хитрости, чтобы спастись от великой опасности? Такой находчивости я еще никогда не встречал... Но тсс... остановилась у входа. Пойду к ней и обнадежу насчет Лидио, ибо бедняжку надо пожалеть.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Фульвия, Фессенио, Самия.

Фульвия. Видишь, милый Фессенио, как мне не везет — вместо Лидио я застала своего скотоподобного супруга, от которого едва-едва отделалась.

Фессенио. Все видел. Стань подальше, чтобы никто тебя не заметил в этой одежде.

Фульвия. Спасибо, что напомнил. Великое желание видеть Лидио ослепило меня настолько, что я ни о чем другом уже не помышляла. Но скажи, дорогой Фессенио, ты застал моего Лидио?

Фессенио. Где рана, там и кровь. Застал.

Фульвия. Да?

Фессенио. Да.

Фульвия. Хорошо, Фессенио. Что он говорит? Скажи мне.

Фессенио. Он так скоро не уедет.

Фульвия. О Боже! Когда же я смогу с ним поговорить?

Фессенио. Быть может, даже сегодня. А когда я увидел тебя с Каландро, я как раз направлялся к Лидио, чтобы уговорить его зайти к тебе.

Фульвия. Сделай это, милый Фессенио, ты не останешься внакладе. Свою судьбу я вручаю тебе.

Фессенио. Постараюсь сделать все, чтобы он к тебе пришел. Не волнуйся и жди.

Фульвия. Не волноваться и ждать? Конечно, я буду ждать, но ждать, снедаемая страстями и рыданиями. Вернуть спокойствие мне можешь только ты, раз ты идешь к Лидио.

Фессенио. Прощай.

Фульвия. Фессенио, милый, возвращайся скорей!

Фессенио. Постараюсь.

Фульвия. О злосчастливая Фульвия! Если ты будешь слишком долго ждать, ты наверняка скоро умрешь. Бедная, что я должна делать?

Самия. Быть может, дух его уговорит.

Фульвия. Увы, что-то некромант так долго медлит! Сходи к нему еще раз, поторопи его.

Самия. Я попусту тратить время не буду, бегу.

Фульвия. Поговори с ним и не мешкая возвращайся обратно.

Самия. Передам и вернусь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Самия, Руффо.

Самия. О, великое счастье! Вот и Руффо. Да хранит тебя небо!

Руффо. Кого ты ищешь, Самия?

Самия. Фульвия сгорает от нетерпения побыстрее узнать, что ты предпринял по ее просьбе.

Руффо. Думаю, что она будет выполнена.

Самия. А когда?

Руффо. Пойду к Фульвии и все расскажу.

Самия. Уж очень ты медлишь.

Руффо. Самия, бывают вещи, которые с одного маха не сделаешь: надо сопоставить созвездия, слова, воды, травы, камни и еще столько всяких мелочей, что хочешь не хочешь, но на это уходит время.

Самия. А если вы в конце концов все-таки добьетесь...

Руффо. Я твердо на это надеюсь.

Самия. А любовника ты знаешь?

Руффо. Нет, конечно.

Самия. Это вон тот.

Руффо. А ты хорошо его знаешь?

Самия. Не прошло и двух часов, как я с ним разговаривала.

Руффо. И что он тебе сказал?

Самия. Он оцетинился, что твой репейник.

Руффо. Подойди поговори с ним сейчас и взгляни, может быть, дух его хоть сколько-нибудь смягчился.

Самия. Ты думаешь?

Р у ф ф о. Прошу тебя.

С а м и я. Иду.

Р у ф ф о. Эй, ты, вернешься оттуда через ту вон дверь к Фульвии, а я тотчас же за тобой вслед.

С а м и я. Сказано — сделано.

Р у ф ф о. Пока она разговаривает с Лидио, я посто-
рожу здесь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Ф а н н и о, С а н т и л л а, С а м и я.

Ф а н н и о. Эй, Лидио, гляди, к нам снова направляется служанка Фульвии. Запомни, что ее зовут Самия, и отвечай ей поласковой.

С а н т и л л а. Я так и предполагал.

С а м и я. Ты все еще взволнован?

С а н т и л л а. Нет, ей-богу, нет. Самия, дорогая, прости меня, я тогда был сильно озабочен и вроде как вне себя и даже не помню, что ты мне говорила. Прежде всего скажи, что с моей Фульвией?

С а м и я. Хочешь знать?

С а н т и л л а. Ни о чем другом тебя не прошу.

С а м и я. Спроси свое сердце.

С а н т и л л а. Не могу.

С а м и я. Почему?

С а н т и л л а. О, разве ты не знаешь, что сердце мое при ней?

С а м и я. Дай-то Бог, чтобы у вашего брата, у любовников, почки были так же здоровы, как вы в любое время здоровы соврать. Еще недавно я так и не могла добиться, чтобы он о ней хотя бы вспомнил, а теперь он хочет меня уверить, что у него, мол, нет большего сокровища на свете, чем она, как будто я не знаю, что ты ее не любишь и не хочешь идти к ней.

С а н т и л л а. Напротив, жизнь не мила мне, покуда я не с ней.

С а м и я. Клянусь Крестом Господним, никак, дух уже поработал на совесть. Итак, ты придешь, как обычно?

С а н т и л л а. Что значит — как обычно?

С а м и я. Я хочу сказать: в обличье женщины.

С а н т и л л а. Ясное дело — как и другие разы.

С а м и я. О, ну и новость же принесу я Фульвии! Больше не буду с тобой болтать и вернусь через боковую улицу, чтобы никто не видел, как я войду в дом, расставшись с тобой. Прощай.

С а н т и л л а. Прощай.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

С а н т и л л а, Ф а н н и о, Р у ф ф о.

С а н т и л л а. Ты слышал?

Ф а н н и о. Слышал и заметил — «как обычно». Без сомнения, тебя приняли за другого.

С а н т и л л а. Так оно и есть.

Ф а н н и о. Хорошо бы предупредить Руффо, но вот и он собственной персоной.

Р у ф ф о. Итак, что ты собираешься делать?

С а н т и л л а. А как тебе кажется? Не бросать же эту затею?

Р у ф ф о. Эх-эх-эх! Наш друг-то опомнился! Ты совершенно прав, Лидио. Ведь она просто солнышко.

С а н т и л л а. Я ее знаю и даже знаю, где она живет.

Ф а н н и о. Получишь от нее удовольствие.

Р у ф ф о. И пользу.

Ф а н н и о. Если я правильно понял твои слова, Руффо, ты недавно говорил, что она прибегает к твоему средству, так как другие ей не помогают? Из этого я заключаю, что она уже не раз к тебе обращалась, хотя нам об этом ничего толком не известно. Однако надо полагать, что, судя по разговору со служанкой, Лидио принимают за кого-то другого, а раз так, тебе следует осторожно намекнуть Фульвии, якобы от имени духа, чтобы она о прошлом никогда больше не заговаривала, ибо дело это может открыться и произойти большой скандал. Будь начеку.

Р у ф ф о. Ты поступил разумно и здраво, напомнив мне об этом. Не надо лишних слов. К делу! Я иду к ней, а вы готовьтесь.

С а н т и л л а. Иди и возвращайся, ибо ты найдешь нас на этом же месте.

Ф а н н и о. Лидио, спрячься, я мигом вернусь. Руффо, два слова.

Р у ф ф о. В чем дело?

Ф а н н и о. Я открою тебе одну тайну, настолько важную для этого дела, что ты и вообразить не можешь. Но смотри не проговоришься.

Р у ф ф о. Не дай мне Бог того, чего мне более всего хочется, если я когда-нибудь проговорюсь.

Ф а н н и о. Видишь ли, Руффо, ты погубил бы и меня, и сам бы лишился той пользы, которую получишь от этого дела.

Р у ф ф о. Не бойся, выкладывай побыстрее.

Ф а н н и о. Знай же, что Лидио, мой хозяин, — гермафродит.

Р у ф ф о. А что толку, что он дермородит?

Ф а н н и о. Я говорю: гермафродит. Сквернослов ты этакий!

Р у ф ф о. Хорошо, а что это значит?

Ф а н н и о. Будто сам не знаешь?

Р у ф ф о. Знал бы — не спрашивал.

Ф а н н и о. Гермафродиты — это те, у кого и тот и другой пол.

Р у ф ф о. И Лидио — из таких?

Ф а н н и о. Это я тебе и втолковываю.

Р у ф ф о. И у него пол женский, а корешок мужской?

Ф а н н и о. Да, сударь.

Р у ф ф о. Клянусь Евангелием, мне всегда казалось, что у твоего Лидио в голосе, да и в повадках есть что-то женское.

Ф а н н и о. А потому знай, что на этот раз он будет пользоваться с Фульвией только своим женским полом, ибо, затребовав его к себе в женском обличье и обнаружив, что Лидио — женщина, она настолько поверит твоему духу, что после этого, уж будь спокоен, наверняка ее заобожает.

Р у ф ф о. Это одна из забавнейших интриг, о которых я когда-либо слышал. И поверь, Фаннио, к нам потекут денежки.

Ф а н н и о. Все дело в том, насколько она щедра.

Р у ф ф о. Ты спрашиваешь, щедра ли? Любовники всегда завоевывают кошелек стебельком порея, недаром люди влюбленные, вроде нее, готовы отдать дукаты, платье, скот, должности, поместья и саму жизнь.

Ф а н н и о. Ты меня утешил.

Р у ф ф о. Утешил и ты меня с этим своим бородобритым.

Ф а н н и о. Мне нравится, что ты никак не выговоришь название этих двухнастных людей. Ведь если бы ты даже пожелал, то и тогда не сумел бы выговорить, как они называются.

Р у ф ф о. А теперь ступай к Лидию, переодевайтесь. Я же бегу предупредить Фульвию, что нынче она получит желанное.

Ф а н н и о. Итак, я буду служанкой.

Р у ф ф о. Вот именно. Будьте готовы к моему приходу.

Ф а н н и о. Вмиг. Я хорошо сделал, что отыскал платье и для себя.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Р у ф ф о, С а м и я.

Р у ф ф о. До сих пор дело складывается так, что само небо не могло лучше распорядиться. Если Самия за это время успела вернуться домой, Фульвия наверняка уже должна меня ждать. Я ей докажу, что дух сделал решительно все и что ей достаточно произнести несколько слов над этой фигуркой и совершить такие действия, какие она признает уместными в качестве заклинаний, а также внушу ей никому, кроме своей служанки, об этом не рассказывать, что бы из этой ее любви ни получилось. Еще скажу, что я тотчас же все исполню, после чего и уйду. А вот и Самия ждет на пороге.

С а м и я. Входи скорее, Руффо, и иди к Фульвии туда, в нижнюю ее спальню, так как наверху — эта скотина Каландро.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

С а м и я, Ф е с с е н и о.

С а м и я. Куда ты, Фессенио?

Ф е с с е н и о. К хозяйке.

С а м и я. Сейчас тебе не удастся с ней поговорить.

Ф е с с е н и о. Почему?

С а м и я. Она с некромантом.

Ф е с с е н и о. Прошу,пусти меня.

С а м и я. Нет,сейчас никак нельзя.

Ф е с с е н и о. Глупости!

С а м и я. Сам ты ходячая глупость.

Ф е с с е н и о. Я-то... тьфу, чуть не сказал тебе... Но так и быть, сделаю еще круг и вернусь.

С а м и я. И правильно сделаешь.

Ф е с с е н и о. Если бы Фульвия знала то, что знаю я, она не носилась бы со всякими духами. Ведь Лидио мечтает быть возле нее куда больше, чем она, и хочет с ней встретиться сегодня же, и я собственными устами хочу ей об этом сообщить, ибо знаю, что она мне за это что-нибудь даст, поэтому я и Самии об этом ничего не сказал. Дай-ка я уж лучше отсюда удалюсь, ибо Фульвия, завидев меня, может подумать, что я здесь только для того, чтобы поглазеть на ее некроманта, который, видно, и есть тот самый человек, что сейчас выходит из дома.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Р у ф ф о, один.

Р у ф ф о. Дело пошло на лад. Теперь я выпутаюсь из своего жалкого положения и сброшу с себя эти лохмотья, так как получил от нее немалые денежки. Так что теперь могу затеять и более крупную игру! Она — женщина богатая, и, насколько я понимаю, влюбленность в ней сильнее рассудка. И если не ошибаюсь и даже уверен, что она сдуру еще раскошелится. Я же не помышлял даже и о меньшем счастье. Гляди-ка, гляди, и сны бывают вещие! Она и есть та самая фазаниха, которую я нынче ночью поймал во сне; мне приснилось, что я много-много перьев выдернул у нее из хвоста и засунул их себе в шляпу. Если она мне попадетя — а теперь мне кажется, что оно так и будет, — я оциплю ее так, что дела мои надолго поправятся. Честное слово, я тоже сумею провести время в свое удовольствие и добьюсь этого. О-о, как мне повезло! Какая-то женщина машет мне, чтобы я подошел к ней. Кто это? Я ее не знаю. Подойду-ка к ней поближе.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Р у ф ф о, Ф а н н и о, переодеть в женщину.

Р у ф ф о. У-ух, это ты, Фаннио. Однако одежда изменила тебя так, что я тебя не узнал.

Ф а н н и о. Разве я не хорош?

Р у ф ф о. Хорош. Во всех отношениях. Идите, постарайтесь-ка удовлетворить эту неудовлетворенную женщину.

Ф а н н и о. Мы-то с тобой хорошо знаем, что на этот раз она удовлетворена не будет.

Р у ф ф о. Да-да, на этот раз Лидио предстанет перед ней женщиной.

Ф а н н и о. Да, сударь. Что же, можем идти?

Р у ф ф о. Как вам будет угодно. Лидио одет?

Ф а н н и о. Он ждет меня здесь поблизости и так хорош собой, что нет человека, который не принял бы его за женщину.

Р у ф ф о. Ого! Это мне нравится! Фульвия вас ждет. Иди разыщи Лидио, и не мешкая отправляйтесь к ней, а я останусь тут поблизости, чтобы узнать, чем кончится дело. Ого-го! Смотрите, она уже на пороге. Уж больно поспешно выполнила она все то, что я ей наказывал.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Ф е с с е н и о, Ф у л ь в и я.

Ф е с с е н и о. Теперь страдания тебя миновали, госпожа моя.

Ф у л ь в и я. Как так?

Ф е с с е н и о. Лидио пылает к тебе сильнее, чем ты к нему. Не успел я передать ему все, что ты мне поручила, как он оделся и уже идет сюда.

Ф у л ь в и я. Дорогой Фессенио, эта весть отнюдь не пустяковая, и уж конечно, я тебя хорошо за нее вознагражу. Слышишь, как там наверху Каландро требует себе одежду для выхода? Скройся отсюда, чтобы он нас не видел вместе. О, какое блаженство, какую радость ты мне доставил! Отныне все на свете сулит мне благополу-

чие. Дай мне только выпроводить этого болвана, чтобы остаться на свободе.

Ф е с с е н и о. Могу вас уверить, почтенные зрители, что наши влюбленные сумеют наверстать потерянное время! И если Лидио будет благоразумен, он, конечно, сможет заинтересоваться судьбой сестры, коли таковая когда-нибудь найдется. Каландро дома не будет, и у них впереди довольно времени, чтобы наслаждаться друг другом, я же могу пойти прогуляться. Однако, ой-ой-ой, смотрите — Каландро выходит. Надо отойти в сторонку, иначе, остановившись со мной поболтать, он увидит Лидио, который должен вот-вот появиться.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

К а л а н д р о, Л и д и о, в женской одежде, С а н т и л л а.

К а л а н д р о. О, счастливейший день в моей жизни! Не успел я и шага ступить за порог, как вижу мою драгоценную одну, и она прямехонько направляется ко мне. Как бы покрасивее ее приветствовать? Скажу: доброе утро! Но сейчас уже не утро. Добрый вечер! Но вечер еще не наступил. Бог в помощь? Но это приветствие для извозчиков. Скажу: душенька моя, красавица! Но это не приветствие. Сердце моей плоти? Так выражаются цирюльники. Ангельское личико? Так и прет купчина. Предательские глазки? Плохое словосочетание. Ах, черт, она уже подходит... Душенька... сер... анг... глаз... Чтоб тебе пусто было! О, дурак, я дурак, надо же так ошибиться. Хорошо, что я обругал ту, ибо вот моя Сантилла, а вовсе не та... Добрый день... то есть добрый вечер, хотел я сказать... Честное слово, не та, я ошибался. Нет, это не она и все-таки — та. Дай-ка я к ней подойду... Как ни верти, а это все-таки — она... Нет, клянусь, это — та. Вот теперь я вижу, это — она, моя жизнь... Нет, все-таки это — та, другая. Подойду-ка я к ней.

Л и д и о. Черт возьми! Этот влюбленный болван всерьез принимает меня за женщину. Теперь он будет плестись за мной до самого своего дома. Лучше вернуться домой и переодеться, а попозже снова отправлюсь к Фульвии.

К а л а н д р о. Увы! Это точно не она. Она — это та, что пошла по той улице. Попробую ее разыскать.

С а н т и л л а. Теперь, когда эта скотина уже потерял нас из виду, поспешим к Фульвии. Смотрите, она уже стоит в дверях и машет нам рукой. Скорее войдем.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ф у л ь в и я, С а м и я.

Ф у л ь в и я. Самия, эй, Самия!

С а м и я. Суда-а-арыня!

Ф у л ь в и я. Поскорей иди вниз!

С а м и я. Иду-у!

Ф у л ь в и я. Пошевеливайся, накажи тебя Бог, пошевеливайся!

С а м и я. Вот и я. Что прикажешь?

Ф у л ь в и я. Беги, беги немедленно. Разущи Руффо с его духом и скажи ему, чтобы он живо ко мне явился.

С а м и я. Бегу. На всех парусах.

Ф у л ь в и я. Какие там паруса, бестия? Мчись как ветер, лети!

С а м и я. Что за черт? Откуда такая прыть? Никак, в нее сам дьявол вселился. А ведь, казалось, Лидио должен был изгнать из нее дьявола.

Ф у л ь в и я. О духи-обманщики! О человеческая глупость! О ты, ослепленная и злосчастливая Фульвия, обидевшая не только себя, но и того, кого ты любишь больше, чем самое себя! О, я несчастная, получив того, кого добивалась, я не нашла того, чего страстно вождела. Если дух не поможет, я готова с собой покончить, ибо добровольная смерть менее горька, чем томительное существование. Но вот и Руффо. Скоро узнаю, суждена ли мне надежда или безнадежность. Никого не видать. Лучше поговорить с ним здесь, ибо я полагаю, что дома не только стены имеют уши, но даже стулья, лавки, сундуки и окна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Руффо, Фульвия.

Руффо. В чем дело, сударыня?

Фульвия. Мои слезы могут тебе поведать о муках, которые я терплю, гораздо больше, чем слова.

Руффо. Говори, что случилось? Фульвия, не плачь. Лучше расскажи о новой своей напасти.

Фульвия. Не знаю, Руффо, сетовать ли мне на свое невежество или на твой обман?

Руффо. О сударыня, что ты говоришь?

Фульвия. Не знаю, кто виноват — небо ли, грех ли мой или коварство духа, но ты превратил моего Лидио в женщину. Я оглядела и осмотрела его, но ничего прежнего не обнаружила. Я оплакиваю не столько утрату самой большой моей радости, сколько вред, который я ему причинила, ибо благодаря мне он лишился того, чего сильнее всего вожделеют. Теперь ты знаешь причину моих слез и сам можешь понять то, чего бы мне от тебя хотелось.

Руффо. Фульвия, если бы плач — а изобразить его не так просто — меня не убедил, я бы вряд ли тебе поверил. Но, веря твоим словам, я все же полагаю, что виновата во всем ты сама, ибо ведь именно ты требовала Лидио в образе женщины. И вот я думаю, что дух, дабы полнее тебе угодить, послал к тебе твоего возлюбленного, снабдив его и полом и одеждой женщины. Но положи конец своему горю, ибо тот, кто сделал из него женщину, может переделать его и в мужчину.

Фульвия. Руффо, милый, ты даже не знаешь, как ты меня утешил! Мне кажется, что все случилось именно так, как ты говоришь. И если ты в целости вернешь мне Лидио, твоими будут и деньги, и вещи, и все, что у меня есть.

Руффо. Зная теперь, как дух к тебе благоволит, я твердо обещаю, что твой возлюбленный немедленно вернется к тебе мужчиной. Но во избежание столь обидных неожиданностей скажи мне ясно, чего ты хочешь.

Фульвия. Прежде всего — чтобы ему был возвращен нож моих ножен. Понятно?

Руффо. Очень даже понятно.

Фульвия. И чтобы он вернулся ко мне в женской одежде, телом оставаясь мужчиной.

Руфффо. Сегодняшняя ошибка произошла из-за твоих недомолвок. Но это даже радует меня, ибо ты смогла убедиться во всемогуществе духа.

Фульвия. Милый Руфффо, поскорее освободи меня от этих ужасных моих сомнений, ибо я не успокоюсь и не развеселюсь, прежде чем не увижу, что все в порядке.

Руфффо. Ты не только увидишь, но сможешь даже удостовериться в том на ощупь.

Фульвия. И он сегодня же ко мне вернется?

Руфффо. Сейчас уже восемь часов, и долго с тобой оставаться он не сможет.

Фульвия. Пусть не остается, мне важно лишь удостовериться, что он снова стал мужчиной.

Руфффо. А как может не пить человек, который, мучимый жаждой, находится у самого источника?

Фульвия. Так, значит, он придет?

Руфффо. Если ты этого хочешь, дух вернет его тебе немедленно. Итак, ожидай его у входа.

Фульвия. В этом нет нужды. В облике женщины он может идти смело, ибо никто его как мужчину не знает.

Руфффо. Ладно.

Фульвия. Руфффо, милый, живи себе припеваючи, ибо бедным ты никогда больше не будешь.

Руфффо. А ты — неудовлетворенной.

Фульвия. И когда же его ждать?

Руфффо. Как только я дойду до дома.

Фульвия. Тебе вслед я пошлю Самию. Через нее передашь, что тебе сказал дух.

Руфффо. Хорошо. Да ты почаще показывайся своему возлюбленному.

Фульвия. О Руфффо, Руфффо! Будут у тебя и деньги, и радости, сколько влезет.

Руфффо. Оставайся с миром! Недаром любовь изображают слепой, ибо тот, кто любит, никогда не видит истины. Фульвия настолько ослеплена, что готова поверить, будто дух способен по желанию обратить женщину в мужчину, и наоборот. Будто для этого хватит отрезать у мужчины корешок и проделать вместо этого скважину, чтобы превратить его в женщину, или зашить нижний ротик и приделать колышек достаточно, чтобы сделать из нее мужчину. Ох-хо! Легковерная ты, любовь! А! Да Лидию и Фаннию уже успели переодеться.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Руфффо, Сантилла, Фаннио.

Руфффо. Жаль, что вы так поспешили.

Сантилла. Почему?

Руфффо. Чтобы снова вернуться к Фульвии. Ха-ха!

Фаннио. Над чем ты так глупо смеешься?

Руфффо. Ха-ха-ха-ха!

Сантилла. В чем дело? Говори.

Руфффо. Ха-ха-ха! Полагая, что дух превратил Лидию в женщину, Фульвия умоляет, чтобы он вновь превратил тебя в мужчину и тотчас же прислал к ней.

Сантилла. Так, а что же ты ей обещал?

Руфффо. Что все тотчас же будет исполнено.

Фаннио. Молодец!

Руфффо. Когда же ты к ней пойдешь?

Сантилла. Не знаю.

Руфффо. Ты как-то холодно отвечаешь. Не хочешь, что ли?

Фаннио. Пойдет, пойдет, не бойся.

Руфффо. Так пусть идет. От лица духа я ей сказал, чтобы и она почаще тебе показывалась. Это она с радостью обещала.

Фаннио. Придем, Руфффо, придем непременно.

Руфффо. А когда?

Фаннио. Вот управимся с кое-какими своими делами, а там снова переоденемся и прямо к ней.

Руфффо. Смотри не подведи, Лидию. Мне кажется, что я вижу вон там, на пороге, ее служанку. Не хочу, чтобы она видела меня вместе с вами. Прощайте. Однако, эй-эй-эй, Фаннио, послушай! Скажу тебе на ушко: сделай так, чтобы этот бородобрит применил на этот раз с Фульвией пестик, а не ступку. Понял?

Фаннио. Он так и сделает. Иди.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Фаннио, Сантилла, Самия.

Фаннио. Самия выходит из дома. Отойди в сторону, пока она не подошла.

Сантилла. Разговаривает сама с собой.

Фаннио. Молчи и слушай.

С а м и я. Теперь она рехнулась на духах. Здорово, поди ж ты, обделали они тебе твоего Лидио.

Ф а н н и о. О тебе говорит.

С а м и я. Сделали его женщиной, а теперь хотят сделать мужчиной. Сегодня день ее треволнений и моих забот. И все-таки, если они это сделают, все образуется, и вскоре я это узнаю, потому что она посылает меня к некроманту за новостями, а любовнику она собирается заплатить хорошие деньги, едва узнав, что он всю эту новеллу перекроил.

Ф а н н и о. Ты слышал про деньги?

С а н т и л л а. Слышал.

Ф а н н и о. Итак, будем готовиться к возвращению.

С а н т и л л а. Никак, Фаннио, ты рехнулся? Ты обещал Руффо, что мы вернемся, но как же, по-твоему, все это дело может обернуться?

Ф а н н и о. То есть как может обернуться?

С а н т и л л а. Еще спрашиваешь меня, дурак. Как будто сам не знаешь, что я женщина.

Ф а н н и о. Ну?

С а н т и л л а. Да разве не понимаешь, дурак ты, что если я обнаружу свое естество, то выставлю себя в дурном свете, а ее опозорю? Как же следует тут поступить?

Ф а н н и о. Как?

С а н т и л л а. Да, как?

Ф а н н и о. Где мужчина, там и средства.

С а н т и л л а. А где их нет, одни женщины, как она да я, там уж наверняка никаких средств не найдется.

Ф а н н и о. Ты это всерьез говоришь, не пойму?

С а н т и л л а. Я-то всерьез, а вот ты, кажется, дурака валяешь.

Ф а н н и о. Когда я обещал, что ты вернешься, я уже все придумал и взвесил.

С а н т и л л а. Что же ты придумал и взвесил?

Ф а н н и о. Разве ты не сказывала мне, что оставалась с Фульвией в темной комнате?

С а н т и л л а. Сказывала.

Ф а н н и о. И что она разговаривала с тобой только руками?

С а н т и л л а. Так оно и было.

Ф а н н и о. Хорошо. Я, как и прошлый раз, пойду с тобой.

С а н т и л л а. Зачем?

Ф а н н и о. В качестве служанки.

С а н т и л л а. Ну и что?

Ф а н н и о. Я надену такое же платье, как у тебя.

С а н т и л л а. А потом?

Ф а н н и о. Потом, когда ты будешь с ней в спальне, притворись, будто тебе нужно мне что-то сказать. Понятно? Затем ты выйдешь из спальни — слушай внимательно, — останешься вместо меня, а я войду в спальню вместо тебя. Фульвия не разберет в темноте, ты это или я, и, таким образом, подумает, что ты вернулась мужчиной. Духу прибавится доверия, деньги повалят валом, а я получу от нее то самое удовольствие.

С а н т и л л а. Даю тебе честное слово, Фаннио, более хитрой выдумки я еще никогда не слыхивала.

Ф а н н и о. Значит, я не ошибся, когда обещал Руффо вернуться к Фульвии.

С а н т и л л а. Конечно, нет. Однако следовало бы между тем разузнать, как обстоит дело с моей женой.

Ф а н н и о. Зачем доставлять себе неприятности? Наша цель — избегать решений.

С а н т и л л а. Оттяжка дела не меняет. Завтра мы будем в том же положении, что и сегодня.

Ф а н н и о. Как знать! Кто один раз избежал беды, тот избежал ее сотню раз. Посещение Фульвии может пойти нам на пользу, но вреда оно не принесет.

С а н т и л л а. Я согласна. Но только сначала, если ты меня любишь, сбегай домой и узнай у Тиресии все, что там происходит. Поскорей возвращайся, и мы тотчас же отправимся к Фульвии.

Ф а н н и о. Ты права. Так я и сделаю.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

С а н т и л л а, одна.

С а н т и л л а. О злосчастная женская участь! Ведь ты зависишь не только от своих поступков, но и от чужого мнения. Будучи женщиной, я не только не могу сделать, но и помыслить не могу о том, что могло бы меня спасти. Увы, бедняжка, что я должна делать? Куда ни повернусь, всюду вижу ужасы, которые обступают меня со всех сторон, и нет мне спасения. Но вот сюда идет служанка Фульвии и с кем-то разговаривает. Отойду в сторону, подожду, пока она пройдет.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Фессенио, Самия.

Фессенио. Чего ты ноешь? Говори сейчас же.

Самия. Клянусь честью, в нее вселился черт.

Фессенио. Как так?

Самия. Некромант превратил Лидио в женщину.

Фессенио. Ха-ха-ха-ха!

Самия. Ты смеешься?

Фессенио. Да, смеюсь.

Самия. Святая истина!

Фессенио. Эх, эх, да вы что, с ума спятили?

Самия. Сам спятил с ума. Хочешь ты этого или не хочешь, но ты законченная скотина и вдобавок болван. Фульвия оцупала его всего, собственноручно удостоверилась, что он женщина и от прежнего осталось только его лицо.

Фессенио. Ха-ха! Как же теперь быть?

Самия. Ты не веришь мне, а потому я и говорить тебе не хочу.

Фессенио. Верю, вот те крест. Скажи, как же теперь быть?

Самия. Дух снова превратит его в мужчину. Я прямым ходом от некрманта, который дал мне эту записку, чтобы я отнесла ее Фульвии.

Фессенио. Дай прочесть.

Самия. Ой, не делай этого, как бы с тобой не приключилось беды.

Фессенио. Хоть бы я и окочурился, но хочу ее видеть.

Самия. Берегись, Фессенио, не связывайся с нечистым.

Фессенио. Не морочь мне голову. Давай ее сюда.

Самия. Прошу тебя, не надо. Сначала перекрестись, Фессенио.

Фессенио. Отстань, давай записку.

Самия. Так и быть, но смотри, будь немее рыбы. Ведь если кто об этом узнает, плохо будет нам обоим.

Фессенио. Не бойся. Давай сюда.

Самия. Читай громко, чтобы и мне было понятно.

Фессенио. «Фульвии от Руффо привет. Дух знал, что твой Лидио из мужчины превратился в женщину, и он вволю со мной над этим посмеялся. Ты сама

была причиной его беды и твоего огорчения, но будь уверена, что твоему возлюбленному сучок вскорости будет возмещен...»

С а м и я. Что он говорит о сучке?

Ф е с с е н и о. Что ему будет возвращен его хвост. Поняла? «...И тотчас же Лидио придет к тебе. А еще он говорит, что пылает к тебе страстью пуще прежнего, настолько большой, что, кроме тебя, никого не любит, не признает, знать не хочет; и даже вспоминать об этом нельзя, ибо может приключиться большой скандал. Деньги посылай ему часто, а также духу, чтобы он к тебе благоволил, а меня осчастливил. Живи, не унывай и помни обо мне, твоим верном слуге».

С а м и я. Теперь ты видишь, что духи всемогущи и всеведущи.

Ф е с с е н и о. Такого недоумения никто, кроме меня, на свете не испытывал.

С а м и я. Поспешу отнести Фульвии эту добрую весть.

Ф е с с е н и о. С Богом! О всемогущее небо! Неужто я должен поверить, что силой заклинаний Лидио обратился в женщину и что он никого, кроме Фульвии, не полюбит и не узнает? Кроме самого неба, никто этого сделать не мог бы... Он говорит, что Фульвия сама оцупала его рукой? Хочу посмотреть на это чудо, прежде чем он снова превратится в мужчину, а потом, если я сам в этом смогу убедиться, паду ниц перед этим некромантом. Лидио, наверное, дома. Поспешу-ка и я домой.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

С а м и я, С а н т и л л а, Л и д и о.

С а м и я. Ведь правду говорят, что женщина и деньги все равно что солнце и льдина, которую оно непрерывно подтаивает. Не успела Фульвия прочитать записку некроманта, как тотчас же передала мне этот

кошелек для Лидио. Гляди, вот он. Ты видишь, о Лидио, что твоя подруга верна своему слову. Разве ты не слышишь, Лидио? Чего ты ждешь? Бери же его, о Лидио!

С а н т и л л а. А вот и я.

Л и д и о. Давай сюда.

С а м и я. Ух ты! Разиня я, промахнулась. Прости меня, сударь. Мне нужен был вот тот, не ты. Прощай, а ты слушай.

С а н т и л л а. Теперь-то ты и промахнулась. Говори, что там такое, а этого человека не удерживай.

С а м и я. Вот дьявол! Обозналась. Будь здоров и иди своим путем, а ты подойди ко мне.

Л и д и о. Что это за «будь здоров»? Подойди-ка сюда!

С а м и я. О, о, о! Мне нужен вот он, а не ты. Ты — слушай, а ты прощай!

С а н т и л л а. Что за «прощай»? Разве ты не ко мне обращаешься? Разве я не Лидио?

С а м и я. Еще бы, он и есть ты, а ты — нет. Я тебя ищу, а ты иди своей дорогой.

Л и д и о. Совсем, видно, спятила. Взгляни на меня хорошенько: разве я не тот?

С а м и я. О-о! Все-таки я тебя узнала. Ты — Лидио, как раз ты мне и нужен, а ты — нет, отойди. А ты бери кошелек.

С а н т и л л а. Подумаешь, «бери»! Дура! Это я, не он.

С а м и я. Так оно и есть. Это я ошиблась. Ты прав, а ты виноват. Ты иди с миром, а ты — держи.

Л и д и о. Что ты делаешь, бестия? Хочешь отдать кошелек ему, а знаешь, что денежки-то в нем наши.

С а н т и л л а. Почему «наши»? Оставь его мне.

Л и д и о. Нет, мне.

С а н т и л л а. Как это «мне»? Лидио — я, а не ты.

Л и д и о. Давай кошелек сюда.

С а н т и л л а. Что значит «сюда»? Это мой кошелек.

С а м и я. О-о! Теперь-то я уж ни за что не позволю, чтобы его присвоил кто-нибудь из вас, иначе буду орать во всю глотку. Но постойте, дайте разглядеть, кто же из вас Лидио. О Боже, о чудо из чудес! Никто так на себя не похож — ни снег на снег, ни яйцо на яйцо, — как оба они друг на друга похожи, так что я и не разберу, кто из вас будет Лидио, ибо тебя я принимаю за Лидио и тебя я принимаю за Лидио, ты есть Лидио, и ты есть Лидио. Давайте попробуем разобраться. Скажите: кто-нибудь из вас влюблен?

Лидио. Да.

СантILLA. Да.

Самия. Кто?

Лидио. Я.

СантILLA. Я.

Самия. Откуда эти деньги?

Лидио. От нее.

СантILLA. От возлюбленной.

Самия. Вот беда! Ничего не пойму. Скажите: а кто возлюбленная?

Лидио. Фульвия.

СантILLA. Фульвия.

Самия. А кто ее милый?

Лидио. Я.

СантILLA. Я.

Лидио. Кто? Ты?

СантILLA. Да, я.

Лидио. Нет, я.

Самия. У-у-ух. Не было еще беды! Что же это такое? Стойте: о какой Фульвии вы говорите?

Лидио. О жене Каландро.

СантILLA. О твоей хозяйке.

Самия. Черт! Ясно — либо я сошла с ума, либо их попутал нечистый. Но обождите, сейчас разберемся. Скажите: в какой одежде вы к ней ходили?

Лидио. В женской.

СантILLA. В девичьей.

Самия. Видно, этак ничего не узнаешь... Впрочем, спрошу-ка еще одну вещь. В какое время пожелала она видеть своего возлюбленного?

Лидио. Днем.

СантILLA. В полдень.

Самия. Тут сам черт не разберется! Вот дьявольская сеть, сплетенная этим проклятым духом. Уж лучше верну я кошелек Фульвии, и пусть она отдаст его тому, кому ей больше самой захочется. Вам ведь известно, какая она? Мне-то откуда знать, кому из вас его отдать. Фульвия уж конечно различит, кто ее настоящий любовник, а потому кто из вас настоящий, пусть тот и отправляется к ней и от нее сам получит деньги. Идите с миром.

Лидио. Я и в зеркале не вижу такого сходства с самим собой, какое вижу в его лице. На досуге узнаю, кто он такой. Такие удачи выпадают не каждый день, а

поскольку Фульвия может за это время и одуматься, то поспешу-ка я к ней, ибо деньги немалые. Клянусь честью, так я и поступлю.

С а н т и л л а. Так вот он, любовник, за которого меня принимали. Какого же черта Фаннио все медлит и не возвращается? Будь он уже здесь, как условились, мы вернулись бы к Фульвии и, быть может, заполучили бы эти деньги. Ведь правда же, мне следует подумать и о своих делах.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Фессенио, Сантилла, Фаннио.

Фессенио. Ни на улице, ни дома Лидио я не нашел.

С а н т и л л а. Что же мне теперь делать?

Фессенио. Пока не выясню, правда ли, что он превратился в женщину, я не найду себе покоя. Однако, ой-ой-ой, не он ли, не он ли это? Нет, не он. Конечно, он. Нет, не он. Э, он самый. Вот еще наваждение!

С а н т и л л а. О горе!

Фессенио. Он сам с собой разговаривает.

С а н т и л л а. Хуже положения не придумать!

Фессенио. Что же делать?

С а н т и л л а. Неужто мне так сразу и суждено погибнуть?

Фессенио. Почему же погибнуть?

С а н т и л л а. Потому что меня слишком горячо любят...

Фессенио. Что это значит?

С а н т и л л а. Неужели я должна расстаться с этой одеждой...

Фессенио. Горе мне! Будет дело. Никак, и голос его стал более женственным.

С а н т и л л а. ...и лишить себя этой свободы?

Фессенио. Что правда, то правда.

С а н т и л л а. Теперь во мне признают женщину и больше не будут принимать за мужчину.

Фессенио. Попалась мышка в масленку.

С а н т и л л а. Теперь меня будут называть и в самом деле Сантиллою, а не Лидио.

Фессенио. Вот еще беда! А кажется, все это сущая правда!

Сантилла. Да будь проклята моя злосчастная судьба, которая не дала мне умереть в тот день, когда был захвачен Модон.

Фессенио. О жестокие небеса, как это могло случиться? Если бы об этом я не слышал прежде от Лидио, я никогда бы не поверил. Дай-ка заговорю с ним. Эй, Лидио!

Сантилла. Кто эта скотина?

Фессенио. Значит, и то правда, что Лидио, кроме своей Фульвии, никого не признает! Ты называешь меня скотиной, а? Как будто не узнаешь меня?

Сантилла. Никогда не знал тебя и знать не хочу.

Фессенио. Значит, ты не узнаешь своего слуги?

Сантилла. Ты — мой слуга?

Фессенио. Если не хочешь, чтобы я был твоим, буду чужим.

Сантилла. Иди с миром, иди. С винной бочкой я разговаривать не намерен.

Фессенио. Ты и не разговариваешь с винной бочкой, но я-то разговариваю с беспамятством. Да ты от меня не прячься, ибо обстоятельства твои, как и ты сам, мне хорошо известны.

Сантилла. Какие же это обстоятельства?

Фессенио. Силой некроманта ты стал женщиной.

Сантилла. Я — женщиной?

Фессенио. Да, женщиной.

Сантилла. Плохо знаешь.

Фессенио. Мне непременно нужно это выяснить.

Сантилла. Негодяй, что ты хочешь делать?

Фессенио. Сейчас увидишь.

Сантилла. А, несчастный! Как? Таким способом?

Фессенио. Хоть убей, а рукой потрогаю.

Сантилла. Нахал! Не подходи! О, Фаннио, Фаннио, скорее сюда!

Фаннио. Что такое?

Сантилла. Этот мерзавец говорит, что я женщина, и хочет меня насильно осмотреть.

Фаннио. Откуда у тебя столько наглости?

Фессенио. А у тебя откуда столько нахальства, чтобы становиться между мною и моим хозяином?

Фаннио. Это твой хозяин?

Фессенио. Да, мой. А что?

Фаннио. Милый человек, ты обознался. Мне

известно, что ни ты никогда не был его слугой, ни он твоим хозяином. Он всегда был моим, а я его.

Фессенио. Но ты никогда не был его слугой, а он никогда не был твоим хозяином. А я и в самом деле твой слуга, а ты в самом деле мой хозяин. Я говорю правду, а вы оба лжете.

Сантилла. По дерзости твои слова могут сравниться лишь с наглостью твоих поступков.

Фессенио. Не удивительно, что ты забыл меня, если самого себя не узнаешь.

Фаннио. Говори с ним помягче.

Сантилла. Это я-то не узнаю самого себя?

Фессенио. Нет, сударь... сударыня, хотел я сказать, не узнаете. Если бы ты узнал самого себя, то узнал бы и меня.

Сантилла. самого себя я хорошо знаю, но кто ты, никак не припомню.

Фессенио. Скажи лучше: ты нашел другого или потерял самого себя?

Сантилла. А кого же я нашел?

Фессенио. Твою сестру Сантиллу, которая сейчас в тебе, раз ты женщина. Потерял самого себя, ибо ты больше не мужчина, больше не Лидио.

Сантилла. Какой Лидио?

Фессенио. О, бедняжка, ничего не помнящий! Эх, хозяин, разве ты не помнишь Лидио из Модона, сына Деметрио, брата Сантиллы, ученика Полинико, хозяина Фессенио, возлюбленного Фульвии?

Сантилла. Примечай, Фаннио, примечай! Фульвия-то и в самом деле живет в моей душе и в моей памяти.

Фессенио. Так я и знал, что одну Фульвию ты и вспомнишь, и никого другого, так тебя околдовали.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лидио, Фессенио, Сантилла, Фаннио.

Лидио. Фессенио, Фессенио!

Фессенио. Кто эта женщина, которая меня зовет? Подожди, сейчас я вернусь.

Сантилла. Фаннио, если бы я знала, что брат мой жив, я бы преисполнилась нечаянной надеждой,

ибо поверила бы, что он — тот, за кого этот меня принимает.

Ф а н н и о. Правда твоя, разве точно мы знаем, что Лидио умер?

С а н т и л л а. Теперь я уже ни в чем не уверена.

Ф а н н и о. А я уверен, что Лидио — тот самый, о котором он нам говорит, — жив, находится здесь, и мне даже кажется, что слуга этот не кто иной, как Фессенио.

С а н т и л л а. О Боже! Я чувствую, как сердце у меня замирает от радости и нежности.

Ф е с с е н и о. Мне еще не совсем ясно, действительно ты — Лидио или та женщина — Лидио. Дай-ка я получше тебя разгляжу.

Л и д и о. Ты, никак, пьян?

Ф е с с е н и о. Да, ты — Лидио и к тому же мужчина.

Л и д и о. Ладно, будет болтать, сейчас ты знаешь, куда я иду, поговорим потом.

Ф е с с е н и о. Иди скорей к Фульвии, иди, продавай свои товары: отдашь масло, получишь деньги.

С а н т и л л а. Ну хорошо, что же ты еще скажешь?

Ф е с с е н и о. Если я тебе что-нибудь сделал или сказал не по нраву, прости меня. Ведь теперь я вижу, что принимал тебя за своего хозяина.

С а н т и л л а. А кто твой хозяин?

Ф е с с е н и о. Некий Лидио из Модона, и он настолько на тебя похож, что я принял тебя за него.

С а н т и л л а. Фаннио, дорогой, у-у-у! Да, дело ясное! Как тебя зовут?

Ф е с с е н и о. Фессенио, с вашего позволения.

С а н т и л л а. Мы счастливы, сомнения больше нет. О Фессенио мой милый, мой милый Фессенио, дорогой ты мой!

Ф е с с е н и о. Зачем столько нежностей? Нет-нет! Но ты хочешь, чтобы я был твоим, а? Если я говорил, что я твой, я нагло врал. Я не твой слуга, ты не мой хозяин. У меня другой хозяин, а ты добывай себе другого слугу.

С а н т и л л а. Ты — мой, и я — твоя.

Ф а н н и о. Да это мой Фессенио!

Ф е с с е н и о. Что означают все эти объятия? О-о-о!
Под этим что-то кроется.

Ф а н н и о. Отойдём-ка в сторонку, и мы все тебе расскажем. Это — Сантилла, сестра Лидио, твоего хозяина.

Фессенио. Наша Сантилла?

Фаннио. Тихо! Это она, а я — Фаннио.

Фессенио. О мой Фаннио!

Фаннио. Придержи язык и руки, прошу тебя.
Стой смирно и молчи.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Самия, Фессенио, Сантилла, Фаннио.

Самия. О бедная, несчастная моя хозяйка, ты заодно и опозорена и погублена!

Фессенио. Что с тобой, Самия?

Самия. О злосчастливая Фульвия!

Фессенио. Что случилось, Самия?

Самия. Дорогой Фессенио, мы погибли!

Фессенио. В чем дело? Говори скорее.

Самия. Плохие вести. Хуже быть не может.

Фессенио. А что?

Самия. Братья Каландро застали твоего Лидио с Фульвией и послали за Каландро и за ее братьями, с тем чтобы они пришли и опозорили ее! А там, того гляди, убьют и Лидио.

Фессенио. Вот еще гром с ясного неба. О несчастный мой хозяин! Его схватили?

Самия. Нет еще.

Фессенио. Почему же он не бежал?

Самия. Фульвия думала, что, прежде чем същут Каландро и ее братьев, некромант снова превратит его в женщину и таким образом спасет ее от позора, а Лидио от опасности, в то время как, если бы он спасся бегством, Фульвия осталась бы опозоренной. А потому она приказала мне слетать за некромантом. Прощай!

Фессенио. Послушай, обожди. В какой комнате находится Лидио?

Самия. Вместе с Фульвией в нижней спальне.

Фессенио. А разве там нет низкого окна?

Самия. Он мог бы выйти через него в любое время.

Фессенио. Не для того я спрашиваю. Скажи: есть там кто-нибудь, кто мог бы помещать воспользоваться этим окном?

Самия. Вроде нет. Все сбежались на шум к дверям в спальню.

Фессенио. Самия, все это дело с некромантом — сущий бред. Если ты хочешь спасти Фульвию, беги домой и под благовидным предлогом гони всех, кто случайно оказался бы возле дома.

Самия. Сделаю все, как говоришь, но гляди, как бы совсем не погубить Лидию и хозяйку.

Фессенио. Не бойся, уходи.

Сантилла. О, дорогой Фессенио, дай-то Бог, чтобы я в тот же миг не обрела и снова не потеряла своего брата и чтобы мне и жизнь не была возвращена, и смерть не была уготована!

Фессенио. Жалобы здесь ни к чему. Случай требует того, чтобы лекарство было столь же срочным, сколь и мудрым. Нас никто не видит. Возьми одежду Фаннио, а свою отдай ему, да поскорей. Или возьми вот это. Надевай скорей. Ты и этак даже слишком хорош. Не мешкай, иди за мной. Ты, Фаннио, жди. Тебе же, Сантилла, я укажу, что делать.

Фаннио. Каким только испытаниям судьба не подвергает этих двух близнецов — брата и сестру! Сегодня наступит либо величайшее горе, либо величайшая радость, которые они когда-либо испытали, и это в зависимости от того, куда повернется дело. Хорошо поступило небо, сделав их похожими друг на друга не только с виду, но и по судьбе. Оба они находятся в таком положении, что один по необходимости получит то же благо и то же зло, какое получит другой. Пока я конца еще не вижу, не могу ни радоваться, ни сокрушаться, и в сердце у меня нет ни верного страха, ни верной надежды. Пусть же небу будет угодно свести все дело к тому, чтобы Лидию и Сантиллу миновали все эти заботы и превратности. Я же в ожидании того, чем все это кончится, удаляюсь в сторонку и буду стоять один-одинешенек.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Лидио, один.

Лидио. Меня миновала великая опасность, и я вышел из нее с большим трудом, сам не зная как. Я был, можно сказать, в заточении и оплакивал злосчастную судьбу Фульвии и свою собственную, как вдруг некто, предводительствуемый Фессенио, впрыгивает в спаль-

ню через заднее окно и тут же надевает на себя мое платье, а свое на меня. Фессенио же выталкивает меня наружу, так что никто меня не замечает, и говорит мне: «Все уладится как нельзя лучше, будь спокоен». Таким образом, я от величайшего горя перешел к величайшему благополучию. Фессенио там остался, переговариваясь через окно с Фульвией. Хорошо, что я нахожусь здесь поблизости, чтобы посмотреть, чем все это кончится... и... Ох-ох-ох! Все идет на лад! Радостная Фульвия появилась на пороге.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Фульвия, одна.

Фульвия. Ну и натерпелась же я за этот день! Благодарю небо за то, что я так счастливо преодолела все опасности. Они миновали, и я исполнена величайшей радости, ибо небеса спасли не только мою честь и жизнь Лидио, но и сделали так, что я чаще и легче смогу с ним встречаться. Тот, кто сейчас счастливей меня, не может быть смертным.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Каландро, один.

Каландро. ...И веду я вас к ней для того, чтобы вы увидели, какую честь она оказала вам и мне. А после того как я ее всю измолочу, отведите ее в дом хотя бы к самому черту, ибо я не хочу держать у себя в доме срамницу. Посмотрите, до чего дошла ее наглость! Стоит на пороге, словно она — само добро и сама красота.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Каландро, Фульвия.

Каландро. Ты здесь, зловредная баба? И у тебя хватает духу поджидать меня здесь, наставив мне рога? Не знаю, что меня удерживает отлупить тебя так, чтобы на тебе живого места не осталось. Но сперва я убью у тебя на

глазах того, кого ты держишь в спальне, потаскуха ты такая, а потом собственными руками выцарапаю тебе глаза.

Ф у л ь в и я. Увы, супруг мой, что заставляет тебя делать из меня преступную жену, каковой я никогда не была, а из себя жестокого мужа, каковым ты до сих пор не был?

К а л а н д р о. О бесстыжая, ты еще смеешь спрашивать! Будто мы все не знаем, что в спальне у тебя твой любовник, переодетый в женщину!

Ф у л ь в и я. Дорогие братья, он добивается, чтобы я раскрыла перед вами то, что всегда скрывала: мое долгое терпение и оскорбления, которые этот жестокосердный и развратный человек наносит мне каждодневно. Ведь нет на свете жены более верной, чем я, и с которой обращались бы хуже, чем со мной. Он даже не стыдится объявить, будто я ему наставляю рога.

К а л а н д р о. Нет, это суцая правда, негодница, и я тотчас докажу это твоим братьям.

Ф у л ь в и я. Входите и смотрите, кто у меня в спальне и как этот кровожадный пес его убьет. А ну-ка, входите.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Л и д и о, один.

Л и д и о. Фессенио мне сказал, что все уладится. Однако я все еще сомневаюсь и тревожусь. Тот человек, с которым Фессенио заставил меня поменяться одеждой, мне не знаком. Фессенио не появляется. Каландро, угрожая Фульвии, вошел в дом. Он буйствует, как помешанный, и, того гляди, с ней расправится. Если я услышу в доме шум, клянусь собственным телом, я туда ворвусь, чтобы ее защитить и, если надо, умереть. Любовник не может быть трусом.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Ф а н н и о, Л и д и о.

Ф а н н и о. Гляди-ка, вон Лидио, или, скажем лучше, Сантилла, это значения не имеет. Давай переоденемся. Бери свою одежду и верни мне мою.

Л и д и о. О каких переодеваниях ты говоришь?

Ф а н н и о. Да ведь Фессенио еще так недавно заставил тебя переодеться, что ты об этом не можешь не помнить. Давай одежду сюда и бери свою.

Л и д и о. Да, я вспоминаю, что переодевался, но это не та одежда, которую я тебе давал.

Ф а н н и о. Мне сдается, ты не в своем уме. Неужели ты мог подумать, что я ее продал?

Л и д и о. Отстань. А вот и Фессенио.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Фессенио, один.

Фессенио. Ха-ха-ха! Вот здорово! Они думали под женским платьем обнаружить юнца, который развлекался с Фульвией, хотели его убить, а ее опозорить, но, удостоверившись, что это девушка, тотчас успокоились, признав Фульвию самой целомудренной женщиной на свете. И вот она сохранила свою честь, а я получил непомерную радость. Сантилла, отпущенная ими на свободу, выходит из дома, вся сияющая от удовольствия. Глядите-ка, а вон и Лидио.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Сантилла, Фессенио, Лидио, Фаннио.

С а н т и л л а. Эй, Фессенио, где мой брат?

Фессенио. Смотри, вон там, все еще в том платье, которое ты ему дала. Подойдем к нему. Лидио, ты знаешь эту женщину?

Л и д и о. Нет, конечно. Скажи мне, кто она?

Фессенио. Та самая, что вместо тебя осталась у Фульвии и которую ты так долго разыскивал.

Л и д и о. Кто же?

Фессенио. Твоя Сантилла.

Л и д и о. Моя сестра?

С а н т и л л а. Я твоя сестра, а ты мой брат.

Л и д и о. Ты ли это, моя Сантилла? Теперь я тебя узнал. Ты самая и есть. О возлюбленная моя сестра, я так долго тебя разыскивал! Теперь я спокоен, теперь

мое желание исполнилось, теперь настал конец моим мучениям.

С а н т и л л а. О сладчайший мой брат! Наконец-то я тебя вижу и слышу. Едва могу поверить, что это ты, живой и невредимый! А я-то без конца тебя оплакивала, словно мертвого. Теперь ты здравствуешь, и я радуюсь этому тем больше, чем меньше этого ждала.

Л и д и о. А ты, сестра, ты дорога мне тем более, что сегодня я обязан тебе своим спасением. Не будь тебя, я, быть может, был бы уже мертв.

С а н т и л л а. Теперь настанет конец моим вздыханиям и моим слезам. Это — Фаннио, наш слуга, он всегда служил мне верой и правдой.

Л и д и о. О Фаннио, дорогой! Тебя ли не помнить! Ты служил одной, но обязаны тебе двое. И уж конечно ты получишь от нас хорошую награду.

Ф а н н и о. Большой награды я получить не могу, как видеть тебя живым вместе с Сантиллой.

С а н т и л л а. Что ты так пристально смотришь, мой Фессенио?

Ф е с с е н и о. А то, что я никогда не видел, чтобы один человек был так похож на другого, как вы похожи друг на друга, а вижу это я потому, что сегодня произошло столько переодеваний.

С а н т и л л а. Еще бы...

Л и д и о. Прекрасных переодеваний и даже больше чем прекрасных!

Ф е с с е н и о. Поговорим об этом на досуге. Сегодня займемся делами более важными. Я уже шепнул Фульвии, что это Сантилла, твоя сестра. Фульвия проявила непомерную радость и заверила меня, что выдаст за нее своего сына Фламинио, чего бы это ей ни стоило.

С а н т и л л а. Теперь мне ясно, почему она там, в спальне, так нежно меня целовала и даже обратилась с такими словами: «Кто из нас более доволен, я не знаю. Лидио нашел сестру, я нашла дочку, а ты нашла мужа».

Л и д и о. Можно считать, что дело слажено.

Ф а н н и о. Есть другое, и оно, пожалуй, еще лучше.

Л и д и о. Какое?

Ф а н н и о. Как говорит Фессенио, вы похожи настолько, что нет человека, который бы мог вас различить.

С а н т и л л а. Я знаю, что ты хочешь сказать: чтобы Лидио, наученный нами, занял бы мое место и

взял бы в жены дочку Перилло, которую они прочат за меня.

Л и д и о. Ясно.

С а н т и л л а. Яснее ясного, вернее верного.

Л и д и о. Солнце нам улыбнулось! Смотри, после проливного дождя наступает дивная погода. Нам будет лучше, чем в Модоне.

Ф е с с е н и о. Настолько лучше, насколько Италия достойней Греции, насколько Рим знатнее Модона и насколько два богатства лучше одного. И все мы будем торжествовать.

Л и д и о. Так идемте же и справим торжество.

Ф е с с е н и о. Зрители, свадьба состоится завтра. Те, кто хочет присутствовать, пусть не расходятся. Кто же не хочет скучать в ожидании, может уйти. Пока делать здесь больше нечего. *Valete et plaudite.*

З а н а в е с

